

**Ирина Мазаева
Вадим Селин
Дарья Лаврова**
Под солнцем любви (сборник)
Серия «Большая книга романов о любви для девочек»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972799

Селин В. Под солнцем любви. Большая книга романов для девочек : повести : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64878-8

Аннотация

Вадим Селин «Шанс на любовь»

После трагической гибели родителей пятилетняя Валя оказалась в детском доме. Она уже не надеялась, что однажды обретет семью, но чудо все-таки произошло – у нее появился отец. Теперь у девушки есть все, о чем она мечтала: близкий человек, уютный домик на берегу Дона. И даже больше того – на каникулы она отправляется в поход в горы, о которых столько грезилась. И только одно омрачает предстоящее приключение – в туристической группе с Валею оказался ее давний враг – мальчик по имени Кирилл. Но ведь от ненависти до любви один шаг...

Дарья Лаврова «Вредная любовь»

Лето Саши, кажется, пропало окончательно и бесповоротно. Ее любимый мальчик начал тайно встречаться с другой. И хуже всего – обвинил в измене саму Сашу. Правда, он недалеко от истины, и с некоторых пор девушку все чаще посещают мысли об Андрее, с которым она когда-то училась в одной школе. Этим летом Александре надо не только устроиться на работу, но и разобраться в себе, решив, кто же ей по-настоящему дорог...

Ирина Мазаева «Лето Марлен»

Все одноклассницы Марлен давно решили, чем хотят заниматься и куда будут поступать после школы, но только не Марлен. Кажется, она вообще во многом отстала от своих сверстниц. Например, в росте: в ее шестнадцать Марлен принимают за десятилетнюю девочку. И самое главное – она никогда ни с кем не встречалась, в отношениях с парнями опыт у Марлен нулевой. Но, возможно, лето, которое ей впервые предстоит провести вдали от дома, изменит жизнь девушки навсегда?

Содержание

Вадим Селин	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вадим Селин, Дарья Лаврова, Ирина Мазаева Под солнцем любви (сборник)

Вадим Селин Шанс на любовь

Глава 1 Чужие стены

– Валя, доченька, пора вставать! – Сквозь сон я услышала голос папы.

В первые секунды не могла понять, почему он будит меня так рано, ведь за окном только-только светает, но в следующее мгновение буквально вскочила с кровати – пора ехать на вокзал!

– Я уже не сплю! – крикнула я и быстро вскочила с кровати, еще не до конца понимая, сплю или уже проснулась. – Мы опоздали! Мы уже опоздали!

– До поезда еще два часа, не спеши, – улыбнулся папа. – Вещи уже собраны, осталось только позавтракать. Сейчас шесть часов, а поезд в восемь.

Папа вышел из комнаты. Я подошла к окну и посмотрела на пробуждающуюся природу. Мне очень нравится просыпаться рано. Люблю смотреть, как встает ласковое солнце, слушать, как робко начинают петь птицы, словно делая переключку между собой, нравится наблюдать, как утренний мир постепенно заполняется звуками – шумом машин, голосами людей, звуками техники на стройке неподалеку... Очень жаль, что многие мои сверстники любят спать до десяти и из-за этого пропускают удивительно красивый миг, когда рождается день. Даже на каникулах я люблю вставать рано, потому что если сплю допоздна, то потом весь день болит голова. А если встаю рано, то ощущаю себя бодрой и полной сил. Мне даже лучше недоспать, чем поспать больше, чем нужно. И самое главное – когда просыпаюсь поздно, возникает ощущение, будто я все пропустила: весь мир уже проснулся, живет, а я еще сплю!

Я отошла от окна и осмотрела комнату. На полу стоял большой рюкзак, в который я вчера сложила вещи. Изначально я хотела взять дорожную сумку, но ее пришлось оставить, потому что в этой поездке будет удобнее именно с рюкзаком.

Сейчас июнь. Я вспомнила, как ровно год назад, в июне, дорожная сумка с моими вещами стояла и ждала, когда я ее возьму и мы с ней навсегда покинем комнату. Правда, прежняя комната была не моей. А *эта* комната – моя собственная.

И вот сейчас, спустя год, я снова собираюсь в путь. Но в этот раз не с сумкой, а с большим рюкзаком.

Я принялась мысленно перебирать его содержимое: «Так, я ничего не забыла? Кроссовки, плотные штаны, чтобы ветки не царапали ноги и чтобы защититься от клещей, мазь от комаров, полотенце, влажные салфетки, мыло, расческа, зубная паста, щетка...»

Вещей было не так много, потому что каждый предмет прошел тщательный критический отбор. Вчера вечером я все перебирала и думала, понадобится ли мне реально в поездке та или иная вещь или без нее вполне можно обойтись?

Помню, в прошлой поездке мне хватило всего нескольких вещей. Правда, у меня по жизни было не так много одежды. Да и дальняя поездка была всего одна – в лагерь два года назад, когда мне было тринадцать лет. Весь мой гардероб уместился в небольшой сумке.

Я привыкла жить скромно, сдержанно, я не помешана на одежде. Раньше не могла позволить себе многих вещей, но теперь, когда могу покупать все, что хочу, то все равно не приобретаю лишнего. Прежние привычки, думаю, останутся со мной на всю жизнь. Я смотрю иногда на девчонок, которые стоят у набитого шкафа и жалуются, что им нечего надеть, и недоумеваю: как это нечего надеть, если в этом шкафу хватит вещей на целый полк?

Не понимаю, зачем многим людям нужна одежда в таком количестве? Десять юбок, десять джинсов, тридцать маечек... Зачем все это? Я, например, привыкла пользоваться только тем, что действительно необходимо для жизни. Свою голову нужно занимать не мыслями об одежде, а мыслями о чем-то более полезном.

Вот и сейчас положила в рюкзак только самое необходимое. К тому же все это придется нести на своих плечах. Поэтому я старалась, чтобы рюкзак был как можно легче.

Я осмотрела комнату. Кровать, шкаф, компьютер, уютные занавески персикового цвета под цвет стен... Любимый дом. Но мне предстоит провести десять дней в совсем другой обстановке, которая отличается от домашней так, как черное отличается от белого. Как же грустно расставаться с любимым домом даже на несколько дней!

Стало тоскливо. Не хочу уезжать... Не хочу расставаться с домом... Здесь так хорошо...

«Может, никуда не ехать? – промелькнула мысль. Но я попыталась собрать волю в кулак и твердо сказала: – Валя, успокойся! Ты вернешься домой через десять дней и снова будешь здесь жить!»

– Валя! Ты скоро? – послышался из кухни голос папы. – Поторопись, а то на поезд опоздаем!

– Пап, я уже иду! – откликнулась я.

Я с грустью посмотрела на красного плюшевого медвежонка Малыша, у которого вместо глаза была пришита пуговица. Затем подошла к большому портрету родителей, который висел на стене. Я похожа одновременно и на папу, и на маму. От папы у меня прямой нос, красивые губы, а от мамы – карие глаза и густые вьющиеся каштановые волосы.

– Пап, мам, я уезжаю, – сказала я, с печальной улыбкой глядя на родителей. – Как вы думаете, папа не будет без меня скучать? Наверное, не будет. У него столько работы... Под его контролем десятки улиц нашего района!..

Спустя час мы ехали в машине на железнодорожный вокзал.

Наверное, вам может показаться странным, почему я так сильно скучаю по дому и почему происходит эта путаница со словом «папа», но скоро я все объясню.

Итак, мы ехали на вокзал. Я удивленно посмотрела на папу – он зачем-то оделся в синюю рабочую форму.

– Пап, а почему ты в форме? Тебе же сегодня в ночное дежурство!

– Я тебя отвезу, а сам поеду в участок, – внимательно глядя на дорогу, пояснил он.

– А зачем так рано? – продолжала я удивляться. – Сейчас только полвосьмого утра!

– Много дел, – вздохнул папа. – Работы больше, чем времени. В районе опять шкодят малолетки: разрисовывают стены, окна разбивают. Буду сегодня проводить профилактические беседы с Самойловым и Рыбаковым. Совсем уже распоясались!

– Пап, тебе надо отдыхать... – заметила я.

– Ничего, на пенсии отдохну, – весело подмигнул он. – На работе есть банка хорошего кофе... Если устану – взбодрюсь!

И вот так каждый день... Он на работе буквально живет. Я никогда раньше не думала, что работа участкового такая насыщенная! А мой папа именно участковый.

По вечерам мы с ним часто сидим во дворе в увитой виноградными лозами беседке за чашкой чая, и он рассказывает истории из своей работы. Сейчас лето – самое время, чтобы сидеть допоздна за разговорами. И вот на целых десять дней я лишусь этих историй... Но ничего! Зато вернусь и буду делиться с папой своими впечатлениями от поездки! Теперь истории буду рассказывать я!

Я живо представила, что уже завтра увижу свою мечту, и вместо грусти из-за расставания с домом возникло сильное желание поскорее приехать на вокзал. Ведь я еду не в какое-то плохое место, а туда, куда желала поехать на протяжении многих лет!

Я не могла до конца поверить в реальность происходящего. Я еду к своей мечте – в горы. Но эта мечта осуществилась только благодаря тому, что год назад сбылась другая, самая главная мечта: у меня появился отец.

* * *

Настоящее тесно связано с прошлым. Поэтому, прежде чем перейти к основному рассказу, я хочу поведать о своем прошлом, потому что без прошлого в моей истории не обойтись. Но приготовьтесь – рассказ будет долгим.

Я потеряла родителей, когда мне было пять лет. После этого оказалась в детском доме, где и прожила до четырнадцати.

Самое главное, яркое и пропитанное любовью воспоминание о родителях – это воспоминание о Новом годе.

Та зима выдалась невероятно снежной – сугробов намело до самых окон. В нашем частном доме были очень широкие подоконники (или я была маленькой?), я любила на них взбираться и смотреть на улицу.

Однажды вечером по обыкновению села на подоконник и с восторгом увидела, что мороз нарисовал на стеклах узоры необычайной красоты. Они состояли из настолько искусно прорисованных деталей, что вряд ли какой-то художник смог бы изобразить такой же узор кистью!

Спустились сумерки. Один за другим, как елочная гирлянда, вспыхнули фонари. Начался снегопад. На снежинки лился свет фонаря, и казалось, что с неба сыпется не снег, а серебряные блески.

Рыжий двухмесячный котенок Рыжик прыгнул на подоконник, принялся тереться о мои ноги и громко мурлыкать. Подошла мама, улыбнулась, погладила меня по голове и крепко прижала к себе.

– Ты моя радость, – невероятно нежно сказала она.

– А ты моя, – ответила я и прижала маму к себе еще крепче, чем она меня.

Мама взяла расческу и стала причесывать мне волосы. Как я уже упоминала, у меня волосы темно-каштанового цвета, вьющиеся крупными кольцами, красивые. Точно такие же, как у мамы.

Снег пошел сильнее. Серебро кружилось и переливалось в свете фонарей.

Мы увидели вдалеке папу. Он пробирался сквозь сугробы и нес елку. Папа приблизился к дому и заметил нас в окне. Он улыбнулся и помахал рукой, на которой была надета толстая варежка.

Папа вошел во двор. Вскоре за дверями послышался топот ног – папа сбивал с ботинок снег.

А вечером наряжали елку. Деревце постепенно оттаивало от мороза, и аромат хвои разливался по всему дому. В моем сердце было торжественное ощущение приближающихся праздников – Нового года и Рождества.

Чуть позже мы с мамой сидели в комнате и смотрели телевизор. Вошел папа и загадочным голосом сказал:

– Валя! Пойди-ка в коридор! Ты видела, там Зайчик тебе что-то принес?

– Зайчик? – не поняла я. – Какой Зайчик?

– Ты не знаешь, кто такой Зайчик? – удивленно спросил папа и таинственным голосом поведал: – Зимой по миру ходит Зайчик, заходит в дома и дарит детям угощения. Ну, давай беги в коридор!

Я прыгнула с кресла и помчалась в коридор. Следом помчался Рыжик. Он был очень веселым и игривым котенком.

В коридоре стоял стул. Я увидела на нем крупный оранжевый мандарин.

– Папа! Мама! – восторженно воскликнула я. – Зайчик принес мандарин! Ура-а!

– Ну так скорее бери его и кушай! – улыбнулась мама.

Я принялась очищать мандарин. В воздухе разлился восхитительный цитрусовый аромат. Я поделилась мандарином с родителями. Мне показалось, что это самый оранжевый и самый вкусный мандарин на свете!

Зайчик приносил мандарины весь вечер. Они были невероятно ароматными и сладкими. Я больше никогда не ела таких вкусных мандаринов.

В Новый год Дед Мороз подарил мне медвежонка. Он был плюшевый, красного цвета и такой хорошенький, что ему подходило только одно имя – Малыш. Он сразу же стал моей любимой игрушкой. Но Рыжику Малыш тоже приглянулся. Однажды котенок настолько заигрался с игрушкой, что отгрыз ей левый глаз.

– Рыжик! Ну что ты наделал! – воскликнула я и подобрала с пола глаз Малыша.

У меня по лицу покатались слезы.

– Валенька, не плачь. – Мама погладила меня по голове и успокоила: – Сейчас мы пришьем Малышу новый глаз!

Она взяла коробку со швейными принадлежностями, и мы стали перебирать пуговицы, чтобы найти подходящий «глаз». Но ничего более или менее похожего на прежний не нашлось, и пришлось пришить Малышу черную пуговицу, которая по размеру была в полтора раза крупнее, чем уцелевший правый глаз.

– Ничего страшного, так даже еще и лучше! – заметив мое недоуменное выражение лица, подбодрила мама. – С таким глазом Малыш будет лучше видеть. Чем крупнее у медведей глаза, тем лучше они видят!

– Да? – с сомнением отозвалась я. – Ну хорошо...

Так у Малыша появился новый глаз.

В тот день, который разделил жизнь на «до» и «после», мела сильная метель. На дорогах ничего не было видно – город окутала сплошная белая пелена. Мама работала учительницей. Шли зимние каникулы, и мама должна была везти учеников в цирк.

– Ну и погода, – глядя за окно, поежился папа и сел на диван. – На дорогах, наверное, ужасные пробки. Может, цирк перенесете на другой день?

– Но у нас билеты на сегодняшнее число, – вздохнула мама. – Так что придется ехать.

Она оделась, собралась выходить из дома и перед выходом спросила:

– Валь, тебе шоколадку купить? Какую хочешь?

– Молочную с орешками! – попросила я.

– Хорошо, – улыбнулась мама.

– Лена, подожди! Вы с учениками где встречаетесь? На остановке? Я тебя подвезу! – Папа встал с дивана. – Там такая метель, тебя просто заметет!

– Андрей, не надо, сиди дома! – отказалась мама. – На дорогах ничего не видно! Сиди, я сама дойду!

– Нет, я тебя подвезу! – настаивал папа.

В итоге мама сдалась. Меня оставили дома. По телевизору шел мультфильм «Простоквашино», который я очень любила.

– Ты сиди дома, я быстро, – сказал мне папа.

Перед выходом из дома родители как-то особенно на меня посмотрели. Так, как не смотрели еще никогда. Они обняли меня и сказали:

– Я тебя люблю.

Эта фраза прозвучала в унисон. Они удивленно и как-то задумчиво переглянулись.

Мама открыла дверь, еще раз пристально, словно в тревоге, посмотрела на меня, и родители ушли.

Через полчаса громко хлопнула дверь в дом.

– Пап? Это ты? – спросила я и направилась в коридор.

Но неожиданно увидела не папу, а тетю Зою – женщину, у которой мы снимали дом.

– Тетя Зоя? – удивилась я. – А я думала, это папа вернулся.

Тетя Зоя ничего не ответила. Она словно нерешительно подошла поближе, крепко обняла меня и зарыдала.

Из-за метели родители попали в сильную аварию. Их не стало.

* * *

Уже не помню, как я оказалась в детском доме – кто меня туда привел, как оформили. Этот отрезок стерся из памяти. В дальнейшем психолог сказал, что из-за потрясения некоторые воспоминания могут стираться. Это защитное свойство человеческой психики.

У нас не было родственников, кто мог бы оформить надо мной опеку, поэтому меня распределили в детский дом.

В детдоме все было по-другому. Я резко оказалась в новом обществе со своими правилами, которых раньше не знала, и первое время не могла к ним привыкнуть.

Здесь все было общим – общая спальня, общая столовая, общая детская. Было много детей и незнакомых женщин, которые назывались воспитателями и которых я должна была называть по имени и отчеству. Если раньше я жила в обычном доме номер десять, то теперь – в детдоме в группе номер два.

Я не могла понять, почему нахожусь здесь, среди чужих детей, а не у себя дома с родителями? Почему я среди незнакомых комнат? Почему я сплю в спальне, где спят много детей? Почему хожу есть в столовую, где стоит множество столиков? Почему за мной не приходят мама и папа?

Первое время нахождения в детдоме я постоянно плакала.

Во-первых, от досады – задиристая девчонка Алина Конькова сразу же дала мне прозвище Ракета, потому что моя фамилия Ракитина, и это прозвище прицепилось на всю жизнь. Я не могла взять в толк, зачем называть меня Ракетой, если мое имя Валя? Но со временем привыкла.

Во-вторых, плакала потому, что сначала мне казалось, что меня просто перевели в новый детский сад, и каждый день я с надеждой ждала, что наступит вечер и мама меня заберет. Но мама не приходила. Она не придет ни сегодня, ни завтра... Никогда.

В детдоме все дети разные, но у всех есть общая мечта. Каждый ребенок мечтает об одном – чтобы открылась дверь и в комнату вошли люди, которые его заберут и станут родителями.

Больше всего нас раздражало поведение некоторых детей, которых мы видели за пределами детского дома.

Однажды мы с детдомовскими гуляли на улице и увидели девочку лет десяти, которая шла со своими папой и мамой. Девочка вся пылала гневом. Она держала в руках мобильный телефон и яростно кричала:

– Что вы мне подарили?! Вы же обещали, что купите сенсорный, а купили с кнопками! Вы меня обманули! Заберите его обратно! Он мне не нужен! У всех нормальные родители, а у меня!..

Родители беспомощно посмотрели друг на друга. Мама попыталась обнять девочку, но та ее грубо оттолкнула:

– Не надо меня обнимать!

Мама сказала:

– Оля, ну прости, на сенсорный у нас не хватило денег...

– Да лучше бы вообще ничего не покупали, чем это! Вы вечно все делаете не так! Да вы просто меня не любите! Если бы любили, дарили бы нормальные подарки!

Родители виновато, как нашкодившие дети, оправдывались перед своей десятилетней дочкой. Семья прошла мимо, а мы еще долго смотрели им вслед.

Эта девочка не понимала, что самый большой подарок в жизни уже имеет. И этот подарок – ее родители. Родители, которые могут ее обнять. Которые *хотели* ее обнять, а она их оттолкнула. Самое большое счастье – это говорить кому-то «мама» и «папа». Счастье человека заключается всего лишь в возможности произнесения этих двух слов, а вовсе не в модных мобильных телефонах...

Прошел год с тех пор, как я оказалась в детдоме. Снова наступила зима. Мне было уже шесть лет.

Весь день мы с ребятами играли в снежки, катались с горки, смеялись, веселились, глядели на красные щеки друг друга... Обедали, ужинали, смотрели телевизор... Но за окном стемнело, и пришла пора ложиться спать. Каждую ночь я ждала, чтобы скорее наступило утро. Днем в детдоме шумно, постоянно чем-то занимаешься, а ночью шум стихает, все засыпают, и ты остаешься один на один со своими мыслями. Если днем еще хоть как-то можно отвлечься и чем-то себя занять, то ночью от самой себя никуда не деться.

В детдоме было несколько спален. В моей спальне стояло пять кроватей. Если можно так выразиться, эта спальня была одной из самых престижных. Потому что тут были хорошо заклеены окна и из них не дуло. А во многих других спальнях были старые окна, и из них дуло настолько, что даже слегка покачивались занавески.

В ту ночь мне не спалось. А остальные ребята уже спали. Вокруг слышалось многоголосое сопение.

Я обнимала своего Малыша с глазом-пуговицей и смотрела в одну точку. Притронулась к черной пуговице, которую год назад пришила мама, и заплакала. К этой пуговице прикасалась мамина рука. Кажется, пуговица все еще хранила ее тепло... Год назад я плакала, потому что Рыжик отгрыз глаз Малыша, а теперь я была благодарна Рыжику, что есть эта пуговица, которую мама держала в своих руках... Я думала о маме, думала о папе, думала о Рыжике. Я не знала, что с Рыжиком, где он находится, жив он или нет... Кто теперь его кормит, кто гладит? Помнит ли он меня? Помнит ли он, как мы сидели на подоконнике и смотрели, как папа несет елку?..

Дом, в котором мы жили с родителями, был съемным. Наверное, в него уже давно въехала другая семья, и теперь Рыжик живет с ними, а меня забыл...

Медведь Малыш был мне словно родным, ведь он тоже помнил то время, когда у нас была счастливая семья.

Внезапно я услышала за дверью шаги. Потом голоса воспитателей:

– Ого! Целых три ящика! Вот спасибо волонтерам! Дети завтра поедят!

До самого утра я мучилась в предположениях, что подарили нам волонтеры. Это что-то из еды. Конфеты? А может, молочный шоколад? Я так его люблю!

Утром на завтрак раздали мандарины.

Все принялись с радостью очищать шкурки. Я вдохнула упоительный цитрусовый аромат, который разлился по столовой. Но вместо того, чтобы обрадоваться, я расплакалась. Аромат мандарин навевал воспоминание, как прошлой зимой Зайчик приносил мандарины. Мы с родителями ходили в коридор и находили на стуле эти мандарины... А сейчас я сижу не у себя дома, а в столовой детского дома.

Почему-то именно в этот момент я четко поняла, что больше не увижу родителей и моя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Кроме игрушечного медведя существование скрашивало кое-что еще. В нашей спальне были поклеены фотообои размером со стену. И вот на всю стену были изображены невероятно красивые горы на фоне синего неба. Одни горы устремлялись вершинами в белые облака, а другие были поменьше и напоминали маленькие грибочки, выросшие вокруг больших грибов. Посреди гор расстилалась долина с ярко-зеленой травой, вся усыпанная белыми и синими полевыми цветами. По долине протекала извилистая голубая река, которая впадала в овальное озеро. Создавалось впечатление, что долина – это дно чаши, а высокие горы – это ее стены. Где-то вдалеке в долине можно было разглядеть крохотную деревушку. Из труб на крышах домов шли тоненькие струйки дыма.

Горы приводили в восторг и манили к себе. На протяжении многих лет я смотрела на эти фотообои и мечтала когда-нибудь увидеть подобную красоту вживую. Чтобы не смешить людей, когда меня никто не видел, я часто вплотную подходила к стене и представляла, будто стою не на полу спальни, а на вершине горы. Расправляла руки, как птица расправляет крылья, и парила над долиной...

Горы можно было рассматривать часами – каждый раз я находила какие-то новые детали, появлялись новые мысли, и каждый раз восхищалась этой красотой. Наверное, в горах тихо, свежий воздух, не валяется мусор, как на наших улицах... Горы – это нетронутые цивилизацией островки природы, которые сохранились в своем первозданном виде.

В правом нижнем углу мелкими буквами было написано «Кавказ». Значит, фотографы нашли этот необычный пейзаж где-то в горах Кавказа.

Горы стали буквально моими собеседниками, я была счастлива, что могу часами на них смотреть. Это отвлекало от грустных мыслей.

Но однажды директриса детдома Ирина Сергеевна вошла в спальню, критически оглядела ее и сказала:

– Эти фотообои мне уже надоели! Выцвели, тусклые... Надо сделать ремонт.

– Ну наконец-то! – с облегчением вздохнула воспитательница Ольга Викторовна. – Мне они тоже надоели. И вообще *всем* надоели!

– Не всем, – робко заметила я. – Мне они очень нравятся.

Но на мои слова никто даже не обратил внимания.

Через несколько дней с невероятной болью я смотрела на то, как рабочие сдирали со стен мои горы. Фотообои отрывались длинными кривыми лоскутами. Создавалось впечатление, будто в горах разразилась гроза и их пронзили белые молнии.

Но это были не молнии, а открывшаяся за обоями белая стена. Рабочие небрежно бросали на пол обрывки гор, долины и озера, в которых я мысленно провела все свое детство, и топтали их грязными ботинками. На голубом озере отпечатался пыльный след ботинка, но мне казалось, что этот след остался на мне самой.

Были истоптаны горы, но не мои чувства к ним.

«Может, когда-нибудь я увижу горы вживую...» – мечтала я, глядя на груды разорванных обоев.

Через несколько дней на стену поклеили современную рогожку и покрыли краской приятного светло-лимонного цвета. Хоть ремонт и был действительно красивым, но я еще долго смотрела на стену и представляла старые фотообои, память о которых осталась во мне, а также на тех фотографиях, на которых была запечатлена спальня.

Кстати, насчет фотографий. У меня был семейный фотоальбом, который отдали мне органы опеки, когда распределили в детдом. Этот альбом старательно вела мама. Она прилежно собирала наши семейные фотографии и любила их подписывать. Фотоальбом был для меня просто бесценным. Я рассматривала снимки, и в эти минуты мне казалось, что родители по-прежнему живы, что наша семья все еще существует и нам, как и раньше, очень хорошо – вот мы гуляем по зоопарку и едим сладкую вату, вот отмечаем папин день рождения, а вот я еще совсем маленькая, и родители купают меня в ванночке: я брызгаю вокруг, папа весь мокрый, а мама протягивает ему полотенце. Когда я смотрю на эти снимки, на моих губах появляется улыбка. Казалось, что и сейчас я нахожусь там – в тех днях, когда были сделаны эти фотографии. Слышу голоса родителей, их смех... Но стоило только закрыть фотоальбом, я оглядывалась по сторонам и видела чужие детдомовские стены.

И тогда я вновь открывала страницы альбома и продолжала рассматривать каждую его деталь, чтобы мысленно подольше побыть там, в том счастливом времени. Внимательно разглядывала и фотографии, и надписи, которые делали родители: вот мамин почерк, а вот папин... Одна из папиных надписей была сделана синей пастой, но на середине слова «зоопарк» паста резко становилась другого оттенка – это значит, что во время написания она закончилась, и папа сменил ручку...

Я сотни раз рассматривала фотоальбом и жила прежней жизнью, которая длилась до того снежного дня, когда метель замела дороги...

Я знала всех людей, кто запечатлен в альбоме, но была одна фотография, которая вызывала во мне множество вопросов. Один из снимков был сделан у нас дома: на диване сидел какой-то симпатичный молодой мужчина и бережно держал меня на руках. Возле него находились мои родители и счастливо улыбались. На снимке мне три месяца.

Я не могла понять – кто этот человек? Почему он держит меня на руках? Понятно, что это знакомый родителей, но *кто* он? Я пыталась выяснить это у воспитателей, но никто не знал ответа.

Этот вопрос жил во мне много лет, и однажды я узнала, *кто* этот мужчина. Но об этом позже.

О детдоме можно рассказывать долго, но скажу главное – все дети живут будто в состоянии постоянной готовности. Каждый готов сию секунду собрать свои вещи, уехать из детдома с новыми родителями и больше никогда сюда не возвращаться.

Шли годы. Мне исполнилось уже четырнадцать лет. За это время удочерили и усыновили многих ребят из нашего детдома, но почему-то мною за все девять лет не заинтересовался ни один потенциальный родитель. Мельком на меня смотрели, но никто не хотел удочерять. Ни разу не познакомили с потенциальными родителями, я ни разу не жила на выходных в чьей-то семье, чтобы меня получше узнали. Ни разу. Я была как будто невидимкой.

Мне очень, очень хотелось, чтобы меня удочерили.

Но все проходили мимо.

Глава 2

Лысая коса

В детском доме была воспитательница Матвеева Ольга Викторовна. Она постоянно всех ругала – по поводу и без повода – и часто наказывала. Она всегда была нервная, а иногда приходила на работу с какими-то синяками. Видимо, она даже с кем-то дралась. Мы все ее боялись. У Ольги Викторовны был сын Кирилл – наш ровесник, которого она всегда брала с собой. Можно сказать, он жил вместе с нами. Вот только если остальные дети были обычными – нас воспитывали, – то Кирилл (Ольга Викторовна души в нем не чаяла и называла его исключительно Кирюшей) всегда находился в привилегированном положении. Все знали, что он сын воспитательницы, и никто даже пальцем его не трогал. А нам, детям, было и неинтересно с ним играть, потому что он был *не такой, как мы*. Нам казалось, что он какой-то шпион, который хочет внедриться в нашу компанию, чтобы узнать информацию, пожаловаться воспитателям и разоблачить наши планы.

Кирилл всегда был на особом положении, все воспитатели носились перед ним на задних лапках. Детдомовские его не любили, особенно пацаны. Мы никогда не брали его в свои компании и не делились секретами. Называли его «сынком воспитательницы».

Но если все остальные *просто* обходили его стороной, то *мне* Кирилл изрядно подпортил существование в детдоме. Из-за него я несколько месяцев прожила в стрессе.

Взрослели мы. Взрослел Кирилл. Надо сказать, парнем он был привлекательным: черноволосый, с зелеными глазами, чуть выше среднего роста, с хорошей фигурой – он много лет занимался легкой атлетикой.

Казалось бы, какой хороший парень! Но нет. Все не так просто. За этой красотой скрывался человек, который может поступать с людьми коварно и цинично.

Два года назад, когда нам было по тринадцать, в июле мы всем детдомом поехали в летний лагерь, который находился в поселке недалеко от нашего города Ростова-на-Дону. Лагерь располагался на берегу Таганрогского залива, который является частью Азовского моря. Я была в полном восторге! Хоть Азовское море довольно мелкое, даже вдали от берега было по грудь, но я раньше никогда не видела водоем, берега которого скрывались за горизонтом! Мы купались, загорали, ходили на прогулки, и весь детдом был счастлив.

Кирилл тоже поехал. Когда мы увидели его в автобусе, то у всех упало настроение. Но делать было нечего. Без сынка воспитательницы никуда...

Три недели в лагере пролетели незаметно. Наша смена подходила к концу.

В предпоследний день вожатая Оксана, молодая, неутомимая на выдумки выпускница педучилища, придумала конкурс. Мы собрались вечером, и она объявила:

– Завтра среди девчонок будет конкурс красоты! Только конкурс этот необычный. Как известно, красота – понятие относительное. Поэтому мы станем выбирать не красоту лица, а... лучшую прическу. Девчонки! Проявите фантазию! Выразите себя через прическу! А мальчишки будут голосовать. Какая девочка наберет наибольшее количество голосов, та и станет победительницей конкурса «Коса-краса»!

Что тут началось!.. Такими озадаченными девчонок я не видела даже на контрольной по математике. До следующего дня все ходили задумчивые – каждая напряженно размышляла, какую прическу ей сделать.

Мысли о прическах даже затмили то, что впереди ожидалась Королевская ночь, то есть последняя ночь в лагере перед отъездом. Говорят, что в эту ночь все традиционно мажут друг друга зубной пастой.

Честно признаться, мне не хотелось участвовать в конкурсе причесок. У многих девчонок волосы гораздо красивее моих. К тому же конкурс может всех перессорить. Поэтому

я решила не делать себе никаких причесок. В день конкурса просто как следует расчешусь и распушу волосы. Пусть побеждает тот, кому это действительно важно, а мне победы не нужны.

Но не все относились к конкурсу так безразлично, как я. Большинство девчонок стали считать друг друга конкурентками, и то тут, то там начали вспыхивать ссоры. Особенно ко всем цеплялась Алина Конькова, которая в свое время дала мне прозвище Ракета. Она очень хотела победить в конкурсе. При каждом удобном случае пыталась вывести соперниц с дистанции: то «случайно» заденет рукой чужую прическу, то подножку поставит, то что-нибудь еще. Конкурс еще не начался, а многие уже поругались.

И вот настал час конкурса. Я вышла из лагерьного домика и направилась к открытой сцене, но неожиданно из-за дерева вышла Алина, держа в руках тазик с водой, споткнулась... и облила меня с ног до головы.

Я была в шоке. С меня струями текла вода, в то время как через десять минут нужно было выходить на сцену.

– Ой, Ракета, я нечаянно, – с ехидным выражением лица сказала Алина.

– Это *ты* нечаянно? – скептически отозвалась я.

– Но я правда нечаянно! – невинно похлопала ресницами Алина и ушла, игриво покачивая пустым тазом.

Алина постоянно делает всем гадости. И эту гадость она сделала для того, чтобы я не участвовала в конкурсе!

Но если она думала, что собьет меня с пути, то она сделала неправильный расчет. Эта ее пакость, наоборот, неожиданно раззадорила меня, и я четко сказала себе: «Я буду участвовать в конкурсе! Буду!»

Я помчалась обратно в свой домик, сменила одежду и задумалась – что делать с волосами? Высушить их не успею. Максимум, что могу сделать, это вытереть полотенцем.

Мои волосы имеют одну особенность. Когда сухие, они просто вьются, но если они влажные, то начинают не просто завиваться, а кудрявиться. Я вытерла волосы и посмотрела на себя в зеркало. Чуть влажные темно-каштановые пряди закручивались крупными кольцами, и я была похожа на какую-то загадочную цыганку...

И вдруг в голове что-то щелкнуло: я поняла, что делать! Эту схожесть нужно использовать!

Я быстро нашла просторную юбку, нацепила на руки браслеты, которые вчера купила в ларьке рядом с лагерем, распушила волосы и выбежала на улицу.

Оглядываясь по сторонам, чтобы на меня еще кто-нибудь что-нибудь не вылил, примчалась к сцене.

Перед сценой сидели мальчишки и внимательно разглядывали девчонок, ведь именно они должны выбрать победительницу.

– Ого! – увидев меня, восхищенно протянула вожатая. – У тебя образ цыганки?

– Да, – удовлетворенно кивнула я и, подобрав юбку и выпрямив спину, по деревянным ступенькам взошла на сцену, где все девчонки стояли в ряд.

Алина находилась в противоположной стороне сцены, но мне показалось, что я даже оттуда слышу, как скрипят ее зубы.

Особенно сильно они заскрипели, когда я неожиданно... заняла первое место.

– По результатам голосования победительницей конкурса «Коса-краса» становится Валентина! – подсчитав карточки с голосами, объявила вожатая.

– Что?! Она?! – изумилась Алина. – Вы перепутали! Наверное, на карточках написано не «Валентина», а «Алина»!

– Здесь написано «Ракитина Валя».

– Как, Ракета?! – не могла поверить Алина. – А я?!

– Валя ушла с большим отрывом вперед... – пояснила вожатая.

Я не знала, как реагировать на эту победу. Во-первых, я никогда нигде не побеждала, а во-вторых, даже подумать не могла, что выиграю!

Скорее всего, и не выиграла бы, если бы Алина не захотела, чтобы я проиграла...

Сама того не предполагая, тазиком с водой она только улучшила мою прическу!

Успех был оглушительный. На меня смотрели все, все хотели со мной обняться, сфотографироваться, как будто я была какой-то знаменитостью, хотя мы много лет жили бок о бок... Я просто разрывалась на части и не успевала смотреть в объективы.

Со мной фотографировались все. Подошел даже Кирилл! Он стал со мной рядом, улыбнулся в объектив фотоаппарата, но сфотографироваться не успел – Димка, наш футболист, подошел к нему и решительно оттолкнул в сторону. Кирилл даже споткнулся и чуть не упал.

– Сынок воспитательницы! – хмыкнул Димка. – Этот конкурс среди детдомовских! А ты тут вообще не к месту!

– Да больно надо! – ответил Кирилл и ушел от нас.

Все засмеялись.

Я еще какое-то время провела с ребятами, а потом отправилась в свой домик.

Это был последний вечер в лагере. Завтра уедем в Ростов. Но перед этим нас ожидала Королевская ночь.

В домик то и дело пробирались мальчишки и пытались нас измазать, но мне удавалось спрятаться. Я не спала до трех ночи, но в три часа сон все-таки взял надо мной верх.

Проснулась утром от громкого смеха.

Я раскрыла глаза и увидела, что все девчонки смотрят на меня, показывают пальцами и смеются.

– Все-таки намазали? – сонно спросила я и провела ладонью по лицу. Но пасты на ладони не было.

– Ты лысая! – радостно сказала Алина. – Ракета лысая!

– В смысле? – не поняла я.

– В прямом! – пуце прежнего рассмеялась Алина и с удовольствием на лице протянула мне зеркало.

Еще не до конца осознавая смысл произнесенных слов, я взяла зеркало и посмотрела в него.

И оторопела.

Вместо длинных вьющихся волос у меня на голове были чудовищные рваные клоки сантиметровой длины. На том месте, где голова касалась подушки, волосы все-таки были, но тоже небрежно искромсанные – отрезали то, что смогли зацепить ножницы. Я просто себя не узнала. Чучело огородное!

– Нет!!! – вскакивая с кровати, истошно завопила я. – Нет! Этого не может быть! – Не раздумывая, бросилась на Алину: – Это *ты* сделала! Это *ты* вчера специально облила меня водой! А теперь решила отомстить?!

– Уйди от меня! Ненормальная! Ракета! Да отпусти ты меня! – пыталась вырваться Алина. – Это не я! Я тебя не трогала! Я тебя облила! Но волосы я не резала! Не наговаривай на меня лишнего!

– А кто тогда? – Я отпустила Алину, и из глаз полились слезы. – Кто?..

Я запустила в волосы пятерню. Но она скользнула к затылку, хотя раньше застревала в пышной шевелюре.

– Это не я! – испуганно повторила Алина, видимо, боялась, что я снова брошусь. – Я же сама девчонка и никогда бы волосы тебе не обрезала...

– Прости, пожалуйста. – Я посмотрела на нее.

– Все хорошо, – поправляя одежду после драки, сказала она. – Честно – на такую подлость даже я не способна.

Через час состоялась экстренная линейка. Я надела кепку, чтобы меньше притягивать взглядов к своей голове. Вожатая Оксана и воспитательница Ольга Викторовна стояли перед нами.

– Кто обстриг Валю? – медленно расхаживая, как надзиратель в тюрьме, и заглядывая каждому в глаза, грозно спросила Ольга Викторовна. – Кто совершил эту низость?

Искать виновного пришлось недолго.

– Это сделал ваш сынок, – сказал Рома Петров.

– Что? – Ольга Викторовна остановилась в непонимании.

– Да, это Кирилл! – слова Ромы подтвердил Игорь Коновалов. – Мы с ним в одном домике живем. В три часа ночи мы с пацанами всех перемазали и легли спать. Но мне не спалось... Я своими глазами видел, как Кирилл встал с кровати. Наверное, он думал, что все спят и его никто не заметит. Он тихо подошел к столу, взял ножницы и вышел на улицу.

– Нетрудно догадаться, что он делал этими ножницами, – усмехнулся Рома.

– Кирюша! – изумилась Ольга Викторовна, и с нее мгновенно сошло все возмущение. Она быстро подошла к сыну. – Это правда?

– Правда, – преспокойно сказал Кирилл.

Все были шокированы. Я лично была шокирована не тем, что это *он*, а тем, что он такой спокойный!

– Кирюша, зачем ты это сделал? – с любовью глядя на сына, допытывалась Ольга Викторовна.

– А мне так захотелось! – с наглым выражением лица ответил он.

– Я с тобой дома поговорю, – процедив сквозь зубы, пообещала Ольга Викторовна. Она подошла ко мне, сочувствующе посмотрела и ободряюще сказала: – Не переживай. Новые вырастут. – Она оглядела всех. – Ну все, собирайте вещи, скоро автобус!

И ушла.

Все тоже стали расходиться. Но я стояла, будто приросшая к земле.

«Не переживай. Новые вырастут», – словно эхо, слышались в ушах ее безразличные слова.

Меня душили слезы. Ольга Викторовна даже не поругала Кирилла... Передо мной никто не извинился... Понятное дело – он ее сынок. А если бы это сделал кто-то из детдомовских? Что было бы? Да он был бы наказан!

Я увидела, что Кирилл тоже уходит. И неожиданно для самой себя закричала:

– Стоять! Стоять, я сказала!

Он аж вздрогнул. Некоторые тоже остановились и посмотрели на нас.

– Ты отрезал мне волосы! Ты чудовище! – закричала я. – Как ты мог!

– А вот так, – ехидно улыбнулся Кирилл.

– Извинись передо мной! – потребовала я. – Извинись!

Мой крик словно привел всех в чувство, люди будто очнулись от общего шока, который испытали с раннего утра. Кирилла окружили парни.

– Быстро извинись перед Ракетой! – наконец-то потребовали они.

– Вам надо – вы и извиняйтесь, – насмешливо сказал Кирилл, развернулся и ушел в домик собирать вещи.

После того как автобус вернулся в детдом и Кирилл из него вышел, я ни разу не видела этого человека. В детдом он больше не приходил. Но память о нем осталась на всю жизнь.

Волосы, конечно, отросли, но меня все равно поражала вседозволенность и наглость Кирилла. Как небрежно он относится к людям! Наверное, он думал, что если у нас нет родителей, то с нами можно обращаться как хочешь!

Постепенно я перестала размышлять об этом случае, но когда изредка вспоминала Кирилла, то возникало стойкое чувство неприязни к нему.

Да, волосы отросли, но, когда я только вернулась из лагеря, мне было очень тяжело. Впереди еще оставался месяц летних каникул, а я постоянно плакала. Как я уже сказала, на голове торчали кошмарные клоки, которые к тому же пытались кудрявиться. Алина, чувствуя свою вину за то, что облила меня водой и смеялась, когда меня остригли, пыталась помочь – придумывала, как можно окультурить остатки волос, особенно ту часть головы, что во время стрижки лежала на подушке, но в итоге на девчоночьем совете мы пришли к выводу, что эти уцелевшие пряди – и ни туда и ни сюда и самое верное решение – это подстричься до конца. Полностью. Под машинку.

Детдомовская парикмахер тетя Катя с болью в глазах побрила меня машинкой. Стало легче. И в моральном смысле, и в физическом. Я никогда не думала, что волосы такие тяжелые, – а сейчас голове было так легко! Правда, как-то холодно...

Пока волосы не отросли, я все время ходила в косынке. Причем нашлась только косынка в белую и черную клетку, которую я использовала, когда в детдомовском театре мы изображали шахматы. Но теперь я носила эту косынку постоянно и стала выглядеть еще более нелепо – похожей на шахматную доску.

Вечером того дня, когда тетя Катя меня побрила, я шла в столовую. Сзади подбежали мальчишки – те, что еще вчера фотографировались со мной после победы в конкурсе, сорвали косынку, бросили ее на пол и, указывая пальцем на мою голову, засмеялись:

– Лысая! Лысая! Лысая коса-краса!

– Лысая коса! Лысая коса! Ха-ха-ха!

Перед глазами все размылось – это навернулись слезы. Я подобрала с пола косынку, отряхнула ее и вновь надела.

В памяти, как вспышка, появилось самодовольное лицо сына воспитательницы, который нагло улыбается и говорит: «А мне так просто захотелось!» Это из-за него надо мной смеется весь детдом!

Я испытала еще больше отвращения к сынку воспитательницы.

Так у мальчишек появилось новое развлечение. Они часто старались сорвать с меня косынку и долго смеялись, когда видели мою лысину.

Если в последний вечер в лагере все восхищались мною после победы в конкурсе красоты, то теперь я была всеобщим посмешищем.

– Лысая коса! – Это стало моим новым прозвищем. А иногда проявляли фантазию и дразнили по-другому: – Лысая Ракета!

Однажды утром, когда я шла в игровую комнату и с меня в очередной раз сорвали косынку, стало особенно грустно. Я не пошла куда собиралась. В подавленном настроении бродила по коридорам детского дома, и ноги привели в библиотеку.

– Хочешь что-нибудь почитать? – поинтересовалась библиотекарь Татьяна Степановна.

– Да нет... – отозвалась я. – Я так... просто сюда зашла... потому что тут никого нет...

– Тебе грустно? – сочувствующе посмотрела на меня она.

Я молчала.

– Грустно, – утвердительно сказала Татьяна Степановна. – Валя, ты не переживай – волосы у тебя обязательно вырастут. И вот увидишь, будут еще гуще, чем раньше! – Она подошла к столу, на котором лежала стопка каких-то ярких книг, на которых был нарисован забавный черный котенок с клетчатой шапкой на голове. Внезапно я поняла, что у меня на голове косынка точно такой же расцветки. – Вот посмотри, какой-то мальчик пожертвовал нам книги из своей домашней библиотеки. Он сказал, что, когда ему было грустно, он их читал и ему становилось весело. Говорит, что они очень увлекательные. Я еще не успела расставить их на стеллажи.

- А что это? – заинтересовалась я.
- Детские детективы, – пояснила Татьяна Степановна. – Возьми почитай.
- Может, в другой раз... – попыталась я отказаться.
- Когда? В сентябре начнется учеба. А сейчас каникулы. Полно свободного времени.

Возьми.

- У меня нет настроения...
- Так вот они как раз для настроения!

Татьяна Степановна так волновалась за меня, она так хотела, чтобы я взяла книгу, что мне пришлось это сделать. Я взяла первый попавший под руку детектив, поблагодарила ее и ушла в комнату. Хотела положить повесть куда-нибудь в шкаф, потому что сейчас мне было грустно и действительно не было настроения читать, но вдруг взгляд выхватил несколько строк из аннотации сзади книги, и эти строки меня очень заинтересовали. Я открыла книгу, начала читать... и не смогла от нее оторваться, пока не дочитала до конца. Меня с головой увлек мир загадок, расследований, приключений. Я забыла обо всем на свете! Представляла себя на месте героев-подростков и с нетерпением ждала, чем же все закончится. Кто окажется преступником? Кто украл у писателя рукопись нового романа?

Закрыв книгу, обнаружила, что за окном уже стемнело. Оказывается, я читала весь день, с утра до вечера! И на все это время забыла о насмешках окружающих!

Я испытывала легкую грусть, что увлекательная книжная история закончилась. Сейчас выйду из комнаты, и все будет по-прежнему – окружающие снова будут меня дразнить... Вокруг все по-старому, а там, в книге, было так хорошо...

И вдруг я вспомнила целую стопку книг, которые лежали на столе в библиотеке. Нет! И все-таки все хорошо! Ведь можно прочесть еще очень много детских детективов!

Я не могла дождаться утра, чтобы поскорее пойти в библиотеку и взять новую книгу.

Утром пришла к библиотеке еще до ее открытия. Вскоре увидела Татьяну Степановну, в руках которой был ключ. Увидев меня ни свет ни заря со вчерашней книгой в руках, она очень удивилась.

- Не понравилось? – разочарованно спросила она.
- Наоборот, понравилось! Я хочу взять еще!

Татьяна Степановна улыбнулась. Уже через полчаса я погрузилась в новую повесть. А следующим утром взялась за третью. И лишь к вечеру, закрыв последнюю страницу, с удивлением отметила, что уже два дня даже не вспоминала о том, что у меня на голове нет волос.

Так я открыла для себя мир детективов. Я перечитала все детские детективы, которые были в нашей библиотеке, потом взялась за книги других жанров, тоже многое прочитала, но меня непреодолимо тянуло на что-нибудь еще детективное. Узнав об этом, Татьяна Степановна задумчиво сказала:

- Детских детективов уже не осталось, но есть взрослые. Может, их считаешь?
- А они бывают? – изумилась я.

– Конечно! – воскликнула Татьяна Степановна и открыла для меня собрания сочинений авторов детективного жанра.

На чтение десятка книг ушло несколько месяцев, за это время незаметно отросли волосы, и они действительно стали еще гуще, чем были раньше. И я наконец сняла косынку. Хоть волосы были пока что не такие длинные, как прежде, но по крайней мере уже никто не мог назвать меня лысой.

Кроме чтения книг я смотрела детективы по телевизору. И так прошел год. Мне исполнилось четырнадцать лет. Целый год я жила в мире детективов, и во мне развился огромный интерес к профессии сыщика. Меня притягивает все, что связано с расследованиями.

Я перечитала десятки книг и пересмотрела сотни фильмов на эту тему. Следствие ведут и следователи, и частные детективы. В детективах рассказывают о совершении какого-то преступления. Чтобы найти преступника, сыщики определяют, кто из окружающих предположительно мог совершить данное преступление. Например, что-то у кого-то украли. Сыщики приступают к работе и обдумывают – кому могла быть выгодна эта кража? Они вычисляют людей, которые с наибольшей вероятностью могли бы совершить данное преступление. Общаются с подозреваемыми, следят за ними, сидят в засадах – в подвалах, на чердаках, переодеваются в разные одежды, чтобы замаскироваться, и в итоге находят преступника. По-моему, это так здорово! Когда я читаю или смотрю детективы, то представляю себя главным героем, то есть сыщиком, и вместе с ним размышляю – кто бы мог совершить преступление? Я как бы провожу параллельно свое собственное расследование, делаю *свои* умозаключения. Иногда у меня получается вместе с детективами точно определить преступника, но чаще всего не получается... Опытные сыщики замечают такие детали, которые от моего неопытного взгляда просто ускользают!

Ведь в расследовании важна любая мелочь, именно она может привести к разгадке! Например, преступник может случайно сказать что-то лишнее, а сыщик в дальнейшем поймет, что слова преступника не соответствуют правде. Помню, я смотрела фильм. Преступление было совершено в восемнадцать часов десять минут. Во время следствия одна женщина сказала детективу, что в восемнадцать часов она находилась на работе. А преступление произошло почти в это же самое время, но в другом конце города. Сначала детектив даже не обратил внимания на эту женщину, потому что понятно, что за десять минут она физически не могла бы добраться до места преступления. Но во время дальнейшего расследования сыщик случайно узнал, что эта женщина в день преступления ушла с работы не в восемнадцать часов, а в семнадцать тридцать. И детективу стало ясно, что она вполне могла успеть оказаться по адресу, где было совершено преступление. И в итоге именно она оказалась преступницей!

Поэтому сыщику обязательно нужно быть очень внимательным, чтобы подмечать все детали. Нужно запоминать все, что говорят люди, потому что даже самая незначительная информация в итоге может привести к разгадке!

Я часто читаю городскую газету «Вечерний Ростов», в которой регулярно приводятся случаи, когда следователи блестяще раскрывают те или иные преступления.

Мне очень хотелось пообщаться с настоящим следователем, а не экранным. Он бы столько всего мне рассказал, многому бы научил!.. Но у меня нет ни одного знакомого следователя...

Интерес к этой работе возник у меня не просто на уровне любителя, если можно так выразиться. Благодаря детективным книгам и сериалам со временем я поняла, что мне интересно не просто *читать* о раскрытии преступлений, а раскрывать их самой. И это не просто детское желание, а вполне осознанное решение. Мне уже четырнадцать, и наступает время задуматься о будущей профессии. И я четко поняла, что после школы хотела бы выучиться на следователя. Ни в чем другом себя не видела: ни в медицине, ни в педагогике, ни в творчестве. Мне было интересно только расследование преступлений.

А вдруг у меня получится?..

Однажды я даже подумала: «Если бы сынок воспитательницы не обрезал мне волосы, то я не увлеклась бы детективами... – Но в следующую секунду решительно передумала: – Вот стану работать в полиции и привлеку его к ответственности за хулиганство!»

Глава 3

Участковый

Был теплый май. Я находилась в игровой комнате и читала детектив. Эпизод, в котором частный сыщик сидел в машине и следил за подозреваемым. Он наводил на него объектив фотоаппарата, чтобы сфотографировать и получить доказательства его причастности к преступлению.

– Валя! – вдруг услышала я.

Вынырнула из книги и увидела директрису детдома Ирину Сергеевну. Она стояла в коридоре и смотрела на меня.

– Здравствуйте, Ирина Сергеевна. – Я отложила книгу. Перед глазами все еще стояла яркая сцена, как частный детектив следит за подозреваемым.

Я вышла в коридор. На нас заинтересованно посмотрели девчонки.

– Валя, тобой интересуются, – негромко, взволнованно сказала Ирина Сергеевна. – Постарайся произвести хорошее впечатление!

Я наконец «отключилась» от размышлений о сюжете книги.

– Что? Мной интересуются?! – поразилась я.

– Да. И это особенный случай.

– Ну да, первый за девять лет...

– Да, но я имею в виду не только это, – сказала директриса. Ее распирали радостные эмоции, потому что она волновалась за каждого ребенка. – Валя... Послушай, детка... Тебя нашел твой крестный отец.

– Крестный отец? – удивилась я.

– Да, – кивнула директриса. – И он хочет с тобой познакомиться.

Эта новость ошеломила меня. Представьте мое состояние – до этой секунды в течение девяти лет мне казалось, что я одна на всем белом свете, но сейчас выясняется, что у меня есть крестный.

«Получается, он знал моих родителей... – подумала я. – Он видел меня, когда я была младенцем... Держал меня на руках, когда меня крестили... Он держал в руках крестик, который до сих пор на мне надет...»

От потрясения я не могла вымолвить ни слова.

Директриса ободряюще улыбнулась, и мы направились в ее кабинет.

В кабинете я увидела мужчину. Он был выше среднего роста, мускулистый, с пшеничными волосами и умными серыми глазами. Может, это странно, но с первого же взгляда я почувствовала в нем что-то родственное.

И вдруг в этот момент я вспомнила, что уже видела этого человека. На фотографиях. Это именно тот мужчина, который держал меня на руках! Я долго думала, кто он, а теперь все стало ясно!

«Тайна открылась! – мысленно ликовала я. – Значит, на фотографии мой крестный отец!»

В следующее мгновение я заметила еще одну удивительную вещь – он был одет в синюю форму работника правоохранительных органов.

«Он что, работает в органах?! – изумилась я. – Ничего себе!»

Мужчина, немного смущаясь, смотрел на меня.

– Познакомьтесь, – взволнованно начала директриса. – Это Валя. А это Андрей Иванович Мирный, твой крестный.

– Очень приятно, – с интересом рассматривая крестного, искренне сказала я.

Только тут до меня дошло, что его зовут Андрей! Так же, как звали моего родного папу!

– Мы с твоим отцом тезки, – улыбнулся крестный. По нему было видно, что он волнуется.

– Да... Тезки... – в замешательстве от всего происходящего ответила я.

– На улице такая хорошая погода... Май... Все цветет... – многозначительно сказал Андрей Иванович. – Может, прогуляемся во дворе?

– Давайте, – согласилась я, и мы повернулись к двери.

– Секундочку! – остановила нас Ирина Сергеевна. Мы повернулись обратно. Я увидела на ее лице тревогу. Если раньше она была радостной, то сейчас стала взволнованной. – Андрей Иванович, скажите, пожалуйста, если ли у вас есть какие-нибудь доказательства?

– Доказательства чего? – не понял он.

– Того, что вы действительно являетесь крестным отцом Вали, – пояснила директриса. – Насколько я понимаю, она вас не помнит. Поэтому какие у нас основания вам верить? Вы, как представитель правоохранительных органов, прекрасно знаете, какая сейчас обстановка – детей то похищают, то совершают еще более страшные преступления... Поэтому извините, но пока вы не предоставите доказательств, Валя никуда с вами не пойдет.

Андрей Иванович пришел в замешательство:

– Я даже не знаю... Доказательства... Где их взять...

И вдруг меня осенила идея.

– Зато я знаю! – воскликнула я. – Сейчас принесу!

Я умчалась в свою комнату, нашла фотоальбом и вместе с ним вернулась в кабинет директрисы.

– Вот, – сказала я, раскрывая альбом и указывая на фотографию Андрея Ивановича.

– Это было в день крестин! – вспомнил он. – Мы пришли из церкви, и дома нас фотографировал знакомый твоего отца!

Ирина Сергеевна внимательно всмотрелась в фотографию, затем в лицо Андрея Ивановича и облегченно вздохнула:

– Вот теперь я верю, что вы действительно знакомы. Можете погулять.

– Спасибо, – так же облегченно вздохнул Андрей Иванович.

И мы отправились во двор. Когда шли к выходу, ребята с любопытством поглядывали на меня, и в их глазах был немой вопрос: «Он что, пришел за тобой?»

Через весь двор пролежала длинная асфальтовая дорожка. По бокам росли разноцветные розы: и желтые, и красные, и белые, и розовые, и кремовые... От роз лилось благоухание, а на деревьях пели птицы. Из скворечников, которые мы делали своими руками, выглядывали любопытные птенцы. Но сейчас мои мысли были заняты не розами и птенцами, а внезапно объявившимся Андреем Ивановичем.

Между нами ощущалась неловкость. Крестный исподволь рассматривал меня, а я исподволь рассматривала его.

– Мы вместе с Андрюхой в армии служили, – начал он разговор. – Я родом из Мурманска, а распределили сюда, в Ростов. Мы с Андрюхой сразу же сдружились! Но только я пришел служить на год позже, и поэтому он демобилизовался на год раньше. Раньше ведь служили два года. Это сейчас один.

– А что было дальше? – откликнулась я.

Я смотрела на Андрея Ивановича и с жадностью ловила каждое его слово. Трудно объяснить мое состояние. До сегодняшнего момента никто при мне не вспоминал родителей, потому что в моем окружении никто, кроме меня, их не знал. А сейчас нашелся человек, который с ними дружил! Который называет папу «Андрюха»! Каждое его слово было для меня ценно, как золото. Впрочем, какое еще золото? Нет в мире такой драгоценности, которая по значимости могла бы сравниться с воспоминаниями о моих родителях!

– А дальше... я служил... Андрюха был мне как брат. – В глазах Андрея Ивановича появилась грусть. – Я был худым, хлипким... совсем еще пацан... Восемнадцать лет... Однажды «деды» заперли меня в туалете и сильно избили... И только Андрюха за меня заступился... Благодаря ему я сейчас жив.

Я не могла прийти в себя. Слушала внимательно, с трепетом, относилась бережно к каждому слову, как будто слова о родителях были хрупкими хрустальными розами, которые от одного неверного движения могут разбиться. Андрей Иванович словно сундук с сокровищами. Драгоценный сундук, в котором сложены воспоминания о родителях.

– А что было дальше? – затаив дыхание, спросила я.

– Он отслужил, женился на Лене, и через девять месяцев родилась ты, – улыбнулся Андрей Иванович. – А еще через три месяца я демобилизовался. Ну, то есть моя служба закончилась. Мне нужно было уезжать домой в Мурманск, но я задержался.

– Почему?

– Андрюха предложил мне стать твоим крестным. Конечно же, я согласился! Ну а потом, после твоего крещения, я уехал домой, и нам с твоими родителями увидеться больше не удалось... – Андрей Иванович грустно вздохнул.

– Но как вы снова оказались здесь? – не поняла я. – Почему сейчас вы тут, а не в Мурманске?

– У меня в Ростове тетя жила, – объяснил Андрей Иванович. – А больше года назад ее не стало. У нее не было других родственников, кроме меня, и поэтому мне достался по наследству ее дом. Я решил уехать из Мурманска и жить в Ростове. Ну, пока переехал, пока устроился на работу, пока обосновался... Прошло время... А сегодня я захотел разыскать Андрюху, пробил о нем информацию и был в шоке... – Он остановился посреди аллеи роз. Помолчал и тихо продолжил: – Оказалось, что их с Леной уже нет, а ты живешь в детдоме. Я еле дотерпел до конца смены и сразу же с работы примчался к тебе. Поэтому я и одет в форму.

Андрей Иванович тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышалась боль из-за горя, которое случилось в нашей семье.

– Мне так стыдно, что я узнал обо всем только сейчас... – сокрушенно произнес Андрей Иванович. – Когда я уехал в Мурманск, поначалу мы с Андрюхой созванивались, я спрашивал, как у тебя дела, как ты подрастаешь, а потом я стал звонить все реже и реже... А после вообще перестал...

– Не переживайте, самое главное, что сейчас вы нашлись, – постаралась я его успокоить и, взглянув на синюю форму, спросила: – Так а кем вы работаете? И что значит «пробили информацию»? Поспрашивали общих знакомых?

– Нет, – таинственно улыбнулся и покачал головой крестный. – Я работаю участковым. У нас свои базы данных... В них содержится информация обо всех жителях...

– Участковый? – изумилась я. – Ничего себе!

– Обычная работа... – пожал плечами Андрей Иванович.

– Нет, она необычная! – категорично сказала я. – Это же так интересно! Вы, наверное, расследуете всякие дела, ловите преступников, сидите в засадах!

– Да, – кивнул Андрей Иванович и поинтересовался: – А почему ты об этом спрашиваешь?

– Мне интересно все, что связано с полицией! – Я почему-то настолько резко прониклась доверием к этому человеку, которого видела первый раз в сознательной жизни, что решила открыть ему самое сокровенное: – Я вам сейчас кое-что скажу... Только вы не смейтесь...

– Договорились, – предельно серьезно отозвался Андрей Иванович и внимательно посмотрел на меня.

– Я хочу стать следователем. Ну, или частным детективом. Мне нравится расследовать разные преступления! – сказала я таким деловым тоном, будто раскрыла уже десяток преступлений. И уже более просто пояснила: – Вернее, люблю читать детективные книги... А в жизни, наверное, все еще интереснее!

– Да, это точно, у нас на работе скучать не приходится, – ответил Андрей Иванович. – Это очень хорошая мечта. И совсем не смешная. У меня много знакомых женщин-следователей. Знаешь, сколько дел они раскрыли?

От этих слов я пришла в восторг! Значит, у меня тоже есть шанс стать следователем! Буду как Анастасия Каменская!

– А вы можете рассказать хотя бы об одном малюсеньком дельце? – попросила я.

– Да хоть про все расскажу! – улыбнулся крестный и оживился: – Слушай, я тут видел одно кафе, «Бусинка», кажется, пойдём посидим? Там и поболтаем.

– Пойдемте, – согласилась я, и мы направились к выходу из детдомовского двора.

Это было просто невероятно! Полчаса назад я сидела в кресле и читала детектив, думала, что день будет обычным: дочитаю главу, потом пойду на обед, потом погуляю, поужинаю и засну... Но вместо этого внезапно узнала, что у меня есть крестный отец, который к тому же работает участковым! Просто удивительно, какие неожиданные повороты делает жизнь!

Вскоре мы пришли в местное кафе «Бусинка». Вообще в кафе я была два раза в жизни. Подобный поход стал для меня событием мирового масштаба. Но сейчас одно значительное событие немного приглушило другое. Новость о том, что у меня есть крестный, впечатлила меня больше, чем та, что я сижу в кафе.

Я, разинув рот, слушала рассказы Андрея Ивановича о расследованиях и рассматривала его синюю форму.

– Я тогда еще не был участковым. Работал патрульным. Однажды в четыре утра мы с Серегой Панфиловым объезжали нашу территорию на патрульном уазике и неожиданно увидели, как из окна ювелирного магазина вылезают люди в масках! – активно жестикулируя длинной палочкой картофеля-фри, рассказывал крестный.

– Да вы что?! – ахнула я и представила эту страшную картину: ночь, грабители в масках возле ювелирного и Андрей Иванович с Серегой в полицейском УАЗе. – И что вы сделали?

– Вышли из машины и стали задерживать грабителей. Они оказались вооружены и начали в нас стрелять. Но мы были в бронежилетах и не пострадали.

У меня от сердца отлегло.

Крестный начал рассказывать следующую историю, а потом еще одну, и еще, и еще...

Я посмотрела за окно и не поверила своим глазам: уже стемнело!

Только сейчас поняла, что мы просидели в кафе до самого вечера. Но эти несколько часов пролетели как одна секунда. Андрей Иванович был прекрасным рассказчиком. Мне казалось, что я не в кафе, а вместе с ним и его коллегами то сижу в засаде, то скручиваю руки преступникам и надеваю на них наручники, то провожу допросы, то собираю вещественные доказательства...

С крестным было невероятно интересно. Я запоем слушала его рассказы и все больше убеждалась в том, что тоже хочу работать в правоохранительных органах. Когда думала о следствиях, то сердце учащенно стучало, я чувствовала, что это занятие – мое! Это так интересно – разгадывать тайны! Собирать доказательства, опрашивать очевидцев, сопоставлять их слова, находить неувязки, проколы и делать выводы... Каждое преступление – это словно запутанный клубок. Но каким бы запутанным он ни был, нити где-то начинаются и где-то заканчиваются. Точно так же и преступление – оно имеет начало и имеет конец. Если методично распутывать клубок и идти по ниточке, то в конце концов можно добраться до ее конца.

– Уже вечер, – перехватив мой взгляд, устремленный в окно, заметил Андрей Иванович.

– Да... – с грустью ответила я.

Весь день я чувствовала себя так, словно коснулась того, о чем давно мечтала, того, к чему стремилась. Андрей Иванович дал взглянуть изнутри на работу правоохранительных органов. А сейчас я поняла, что пришло время расставаться, и мне стало грустно. Но больше всего было грустно из-за того, что закончилась встреча с крестным.

– С тобой все в порядке? – заволновался он. – Ты какая-то расстроенная. Я сказал что-то не то?

– А вы еще придете? – вдруг вырвалось у меня.

Я покраснела.

«Зачем ты это сказала! – укорила я себя. – Он испугается и больше не появится!»

Андрей Иванович улыбнулся. Кажется, он догадался, почему я была расстроенной. Ну еще бы не догадался! Он же умный. Участковый. К тому же я сама проговорилась.

– Завтра у меня весь день дежурство, а послезавтра я выходной, – ответил он.

– И вы придете? – допытывалась я, решив, что раз уж проболталась, то надо дожимать до конца.

– Обязательно приду, – пообещал Андрей Иванович. И подмигнул: – Ты молодец, хваткая, в нашей профессии это полезно.

Я засмеялась.

– А ты хочешь быть именно следователем? Ведь в правоохранительной деятельности есть много направлений – дознаватель, полицейский, прокурор, эксперт-криминалист и еще масса других...

– Нет, хочу быть следователем, – уверенно ответила я. – Конечно, в реальной жизни ничего расследовать не пробовала, но тянет меня именно к этой работе.

– Это хорошо, – кивнул Андрей Иванович. Он посмотрел за окно. – Ну что, идем? Директриса, наверное, переживает, куда мы пропали. Ушли и не предупредили.

– Идемте, – сказала я и задумалась. Меня терзал один вопрос, который очень хотела задать. Я собралась с силами и спросила: – Андрей Иванович... А зачем вы меня нашли?

– В смысле – зачем? – не понял он.

– Ну, зачем? Для чего? Для чего вам было нужно меня найти?

Врасплох я его не застала. Он серьезно посмотрел на меня и ответил:

– Я предполагал, что ты задашь этот вопрос. Зачем я тебя нашел?.. Я твой крестный, и я чувствую за тебя ответственность. До недавнего времени я не знал, что твоих родителей больше нет. Если бы узнал об этом раньше, то приехал бы к тебе сразу же. – Он помолчал. – Валя, я хочу, чтобы ты не чувствовала себя одной на всем белом свете. Я хочу, чтобы ты знала, что у тебя есть человек, к которому ты всегда можешь обратиться.

– Спасибо, – искренне ответила я.

– Кстати... – продолжил Андрей Иванович. – Я пытался найти твою крестную... Светлану... Но оказалось, что ее, к сожалению, уже нет... Ее не стало из-за тяжелой болезни...

– Очень жаль... Бедная женщина... Получается, вы у меня один...

– Да, – кивнул Андрей Иванович.

Я была сильно растеряна. Моя жизнь резко переменилась. Всего за несколько часов я получила массу самой разной информации. Я была просто до предела заполнена впечатлениями. Такое чувство, будто шла по накатанной колее и внезапно меня отбросило куда-то в сторону. Мне нужно время, чтобы опомниться и понять, что теперь я иду по совершенно новой дороге жизни. И самое главное, теперь я не одна.

Я была рада, что нашелся мой крестный. Но еще не знала, как дальше себя вести. Что мне делать с этой новостью? Андрей Иванович появился, это хорошо, но как теперь изменится моя жизнь?

Я глубоко задумалась.

С одной стороны, я просто счастлива. А с другой стороны, как бы боялась принять это счастье. Боялась осознать, что это счастье не снится, а происходит на самом деле.

«А что, если он больше никогда не придет? – со страхом подумала я. – Что, если это просто какой-то розыгрыш? Может, мне лучше больше с ним не встречаться? Может, оставить в жизни все так, как есть? Остаться одинокой, но зато это будет стабильность?»

– Валя, нам пора, – вставая из-за стола, поторопил Андрей Иванович.

На столе лежал гамбургер и картофель фри, которые я забыла съесть из-за интересного разговора. Я взяла пакет и забрала все с собой.

Андрей Иванович как-то странно на меня посмотрел.

– Девчонкам отнесу. Пусть попробуют, – пояснила я.

Он задумчиво кивнул. Затем проводил меня до дома.

– В следующий раз предупреждайте, если куда-то уходите, – сделала замечание директриса.

– Простите, теперь буду предупреждать, – смутился Андрей Иванович. И перед уходом повторил мне: – Я приду послезавтра.

– Я буду ждать. До свидания, – сказала я и направилась в сторону спальни.

Я шла словно автоматически. Была оглушена сегодняшними событиями.

В спальне легла на кровать.

– Ракета, пойдем телик смотреть? – спросила Марина, моя соседка по комнате.

– Не хочу, – покачала я головой. – Потом.

– Как хочешь. – Марина пожала плечами и ушла в игровую комнату.

Но через несколько секунд вернулась. Подошла, присела на мою кровать и осторожно спросила:

– Ракета, а кто это был? В доме все только и говорят, что к тебе кто-то пришел. К тебе ведь никто никогда не приходил. А тут пришли.

– Это мой крестный, – откликнулась я. – Он меня нашел.

– Нич-чего себе! Вот это да-а!.. – восхитилась Марина. – Он тебя удочерит?

– Откуда я знаю? – искренне ответила я. – Мы с ним об этом даже не разговаривали. Мне уже четырнадцать. Сама знаешь, я уже старая, чтобы меня удочерять.

– Ну да, – согласилась Марина. – Обычно любят брать малышей. Думают, что со взрослыми детьми справиться труднее. А мы, взрослые, только и мечтаем о том, чтобы нас удочерили... – Она встала с кровати. – Ладно, не буду мешать.

– Представляешь, мы были в кафе! – Я взяла с тумбочки пакет и протянула Марине. – Это гамбургер и картофель фри, попробуйте.

– Ух ты! Давай! Спасибо!

Радостная Марина ушла делиться со всеми. Я глядела в потолок. На побелке были трещины, но сейчас я их не замечала. Смотрела куда-то вдаль.

Всю ночь не могла уснуть. Счастье свалилось на меня настолько неожиданно, что будто оглушило.

Я многократно прокручивала в мыслях сегодняшний день – как директриса пришла в игровую комнату и подозвала к себе, как я увидела крестного, как мы сидели в кафе, как он привел меня обратно домой.

Я бережно взяла в руки крестик, который с младенчества висел у меня на груди. Андрей Иванович надел его четырнадцать лет назад, и между нами появился мостик. И вот спустя столько лет крестный вновь пришел ко мне по этому мостику.

В сегодняшнем дне все было впервые.

Сегодня впервые за долгое время я ощутила счастье. Я уже даже забыла, что это такое.

А сегодня вспомнила. Счастье – это когда просто наслаждаешься тем, что живешь.

Сегодня я впервые пообщалась с крестным.

И впервые за девять лет заснула с улыбкой. Как в детстве.

Глава 4

Новая жизнь

Андрей Иванович не обманул. Он пришел послезавтра и позвал в кино. Показывали фильм в формате 3D. Спецэффекты меня просто поразили, но Андрей Иванович поражал больше, чем формат 3D. *Он сдержал обещание!* Сдержал! Он пришел!

После фильма гуляли по парку – сидели в летнем кафе и ели мороженое, бродили по длинным аллеям, присаживались на лавочки, и все время он по моей просьбе рассказывал про свою работу.

– Я вас еще не замучила этими расспросами? – через несколько часов поинтересовалась я.

– Нет, – покачал головой Андрей Иванович. – Я очень люблю свою работу и могу разговаривать о ней круглосуточно. – Мы еще поболтали, а потом он посмотрел на часы. – Ну что, нам, наверное, уже пора?

– Да, пора, – вздохнула я.

Снова закончилось это время... Ну почему оно бежит так быстро?

Я хотела спросить у крестного, придет ли он еще, но прикусила язык. Я опасалась, что надо ем ему. Мне очень хотелось, чтобы он пришел еще, но я боялась, что это станет ему в тягость. Боялась выглядеть навязчивой и поэтому молчала.

– Слушай... – замаялся Андрей Иванович.

«Ну вот, я так и думала, – мысленно вздохнула я. – Сейчас скажет, что больше не придет».

– Да? – заранее готовясь к плохому, откликнулась я.

– У меня на следующей неделе день рождения. Приходи ко мне в гости.

Я была изумлена. Он что, хочет видеть меня снова?!

– Что?.. – растерянно переспросила я. – Куда прийти?

– Ко мне в гости, – повторил крестный. – Ко мне домой. Гостей будет немного, все свои... Познакомлю тебя с моими сотрудниками.

Я не смогла ничего ответить. Мне казалось, что невозможно получить впечатлений больше, чем я уже получила, но оказывается, удивлению нет предела.

В горле появился вязкий ком.

– Конечно, я приду, – с трудом ответила я. – Только скажите свой адрес...

Адрес не понадобился, потому что Андрей Иванович приехал за мной на машине.

Это сложно объяснить, но когда я оказалась в его доме, то почувствовала, что этот дом как будто бы мой. Здесь было очень приятно находиться. Тут все настолько удобно, привычно и комфортно располагалось, что создавалось впечатление, словно я была здесь уже сто раз. Хотя на самом деле – первый раз в жизни.

Дом Андрея Ивановича находился в очень живописном месте. Он был частный, к нему примыкал большой земельный участок, засаженный плодовыми деревьями, а за участком, внизу, росла небольшая роща. Здесь оказалось очень спокойно и приятно. Во дворе стояла уютная беседка, по которой плелись зеленые виноградные лозы и покачивались на легком ветерке, в саду пели птицы, и в воздухе пахло маем – цветами и свежестью. И эта свежесть была какой-то необычной, но смутно знакомой.

И вскоре я поняла, почему здесь так свежо.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – загадочно сказал Андрей Иванович и повел меня вниз участка.

Мы прошли участок. Я сразу не заметила, что в заборе есть калитка, ведущая в рощу. Крестный открыл ее, и мы пошли сквозь деревья и кустарники.

– Аккуратно, здесь крутой склон, – предупредил Андрей Иванович.

Я увидела ведущие вниз старые деревянные ступени. Они были не плавными, а крутыми. Сам спуск тоже был крутым. Кроме того, ступени очень резко поворачивали куда-то вправо, как будто это была винтовая лестница.

Мы спустились по этим ступеням. Свернули направо.

«Странно, зачем в роще нужны ступеньки?» – спускаясь, недоумевала я.

Но в следующую секунду все стало ясно.

В конце спуска деревья расступились, и я увидела речку и песчаный пляж.

– Мой дом стоит на побережье Дона, – прокомментировал крестный.

Я была восхищена окружающей красотой. Оказывается, крутые ступени выходят прямо на песчаный берег! Песок был желтым, чистым, река прозрачной, а на другом берегу росли густые зеленые деревья.

Внезапно из-за туч выглянуло солнце, и окружающий мир загорелся всеми красками. Деревья стали еще зеленее, прозрачная голубая вода заискрилась, а песчаный пляж стал выглядеть еще более сказочно.

На пляже лежали несколько гигантских булыжников, к которым была привязана старая деревянная лодка.

И – тишина. Не слышно ничего, кроме легкого плеска воды.

– Вот это да... – протянула я. – Всю жизнь живу в этом городе и не знала, что Дон такой красивый.

– А это часто бывает. Люди все время ищут прекрасное где-то недостижимо далеко и не знают, что удивительно красивые места находятся на расстоянии шага, – философски заметил Андрей Иванович.

В этот момент во мне появилось чувство, которое в такой мере я не испытывала еще никогда. Щемящее чувство любви к родине. Я вдруг ощутила счастье и радость, что живу здесь, на Дону.

Андрей Иванович присел на булыжник. Он с вдохновенным выражением лица смотрел на окружающую природу.

– Тебе здесь нравится? – внезапно спросил он.

– Очень, – искренне ответила я. – Никогда не думала, что тут есть такие красивые места.

– Это хорошо... – едва слышно, словно что-то обдумывая, прошептал Андрей Иванович. Затем резко встал с булыжника и направился к ступеням. – Пойдем. Пора стол накрывать. Поможешь?

– Конечно! – радостно согласилась я. Посмотрела напоследок на песчаный берег, на реку и зеленые деревья, послушала тишину, и мы отправились обратно. Поднялись по крутым деревянным ступеням, прошли через рощу и вошли на участок крестного.

Во время праздника произошел один интересный эпизод.

Когда гости сели за стол, друг Андрея Иванович спохватился:

– У меня вилки нет!

– Я принесу, – сказала я и тут же отправилась на кухню.

Я вытащила второй ящик сверху, где лежали приборы, взяла вилку, ловко задвинула ящик... и замерла.

Странно. Я только однажды побывала на кухне, когда мы с Андреем Ивановичем расставляли тарелки и угощения, а мои движения были настолько привычными, будто прожила в этом доме всю жизнь.

– Нашла? – послышался голос Андрея Ивановича.

Я очнулась от своих мыслей.

– Да. Я запомнила, где лежат приборы.

Крестный стоял в дверях, прислонившись к косяку, и изучающе смотрел на меня. По его задумчивому взгляду стало ясно, что он тоже видел, как легко я управляюсь на чужой кухне.

Вечером я снова лежала в кровати в детдоме, и перед глазами проносились картины из сегодняшнего дня: деревянные ступени, песчаный пляж, река, гости Андрея Ивановича...

Мне нравится общение с ним, нравятся его друзья, нравится его дом, нравятся даже крутые деревянные ступени!

Такое впечатление, что все это – МОЕ. Очень хотелось, чтобы эта сказка не заканчивалась. Мне очень нравилось все, что со мной происходит, но я боялась, что Андрей Иванович больше не придет. Больше никуда меня не позовет. Боялась больше его не увидеть.

Эти чувства терзали и не давали уснуть.

Было страшно признаться самой себе, но это желание стало очевидным: я хочу, чтобы он меня удочерил. Я понимаю, что он даже не говорил об этом, но как я могу скрывать от себя свои чувства? Вся проблема в том, что Андрей Иванович даже не заикался об этом... Мы с ним просто видимся, просто общаемся, но тему удочерения он никогда не поднимал.

«А с чего я вообще взяла, что он захочет меня удочерить? – попыталась я отрезвить себя. – Не слишком ли я высокого о себе мнения? Почему я смею об этом мечтать? Ну да, он разыскал меня, мы с ним общаемся, но это просто встречи. Быть друг у друга в гостях и удочерение – это абсолютно разные вещи».

Я все это понимала. Да, он не говорил об удочерении.

Но как же мне хотелось, чтобы у меня появился родитель!..

После этого сильного желания меня охватило спокойствие. Я решила, что нужно просто жить и спокойно плыть по течению. И будь что будет. Удочерит – хорошо. Не удочерит – останусь здесь, в детдоме.

Мои опасения подтвердились.

Андрей Иванович пропал.

Он не пришел ни завтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра, ни через неделю. Он пропал, как будто его и не было.

В первый день я ждала. Во второй день волновалась. В третий день места себе не находила. А в четвертый поняла, что все закончилось. А через неделю молчания стало предельно ясно, что он больше никогда ко мне не придет.

Если раньше он давал о себе знать или через день, или каждый день, то теперь его не было *неделю!*

Я находилась в подавленном состоянии. В заторможенности и замешательстве. Не хотела никого ни видеть, ни слышать. Я была настолько ошарашена его исчезновением, что словно онемела.

Душа разрывалась на части.

«Нужно заглушить эмоции, отрезать их от себя, – измучившись, решила я. – Надо представить, что я с ним незнакома. Надо представить, что все это был сон, который просто взял и закончился!»

Я честно пыталась подавить в себе воспоминания, но как я могла представить, что это был сон, если знала, что это была правда?..

Я не могла понять, почему он пропал? Ведь он такой честный человек... Неужели он мог перестать общаться вот так просто, без каких-либо объяснений?

Впрочем, а почему нет?

Помню, однажды приемные родители удочерили Ирму Степанову – одну девочку из нашего дома. Они были такими приличными – мама директор магазина одежды, папа директор строительной фирмы, воспитанные. И что вы думаете? Через месяц они вернули Ирму обратно в детдом! Сказали: «Мы поняли, что девочка нам не подходит». Ирма потом полгода не могла прийти в себя. Она винила во всем *себя*, хотя виноваты *родители*. Они думали о том, как удобно *им*, а не *ребенку*, который к ним привык и который поверил в них. Если удочеряешь ребенка, то обратного пути нет! Иначе у ребенка будет сильная психологическая травма.

Это так жестоко! «Мы поняли, что девочка нам не подходит!» Как это – «не подходит»? Она что, носки, чтобы их можно было примерить, поносить, а потом понять, что они тебе не подходят и выбросить в урну?

Если сравнивать мою ситуацию с ситуацией Ирмы, то мне все-таки лучше. Андрей Иванович меня не удочерял и не отдавал обратно.

Хотя... Он говорил, что он человек, к которому я всегда могу обратиться. Говорил, что чувствует за меня ответственность. Говорил, что я не одна на всем белом свете.

«Я не понимаю, зачем он приводил меня к себе домой? Зачем? Зачем дразнил меня надеждой, что у меня может быть семья?! – недоумевала я. – Ну и где он, этот человек, произносивший красивые слова? Просто-напросто взял и пропал!»

Конечно, он ничего не обещал и ничего не говорил насчет семьи, но ведь каждый взрослый должен знать, что если ты регулярно видишься с детдомовским ребенком, а тем более приглашаешь его к себе домой, то у ребенка появляется надежда. Она появляется, даже если взрослый ничего насчет семьи не говорит. Обычные дети и детдомовские – это разные дети. Детдомовские мечтают о родном доме и поэтому цепляются за любую надежду. Я тоже зацепилась. А Андрей Иванович пропал.

Ну почему он так поступил? Он приоткрыл шторку, за которой скрывалось счастье, показал мне, что счастье есть, а потом резко закрыл эту шторку и исчез.

Спустя еще два дня я находилась в комнате отдыха и смотрела свой любимый детективный сериал. К этому времени я уже почти перестала думать об Андрее Ивановиче. Вернее, начало *получаться* не думать. Это было тяжело. Мысли постоянно появлялись, но я старалась переламывать их, отгонять, закрываться от них, выталкивать из своей головы. И это стало выходить. Правда, мысли ушли, место освободилось, но осталась какая-то пустота, которая тоже меня тяготила...

Итак, в комнате отдыха я смотрела сериал. Что показывали по телевизору, не помню, потому что все ускользало от моего внимания. Я была охвачена тоской, и эта тоска сильно угнетала.

В комнату вошла воспитательница Ольга Викторовна. Я заметила на ее лице какую-то ссадину.

«Неудивительно, что из-за своего характера она все время с кем-то дерется», – подумала я.

Она посмотрела на меня и раздраженно бросила:

– Тебя директриса зовет. Там к тебе пришли.

– Пришли? Кто пришел? – встрепелась я.

В мыслях сразу возникло: «Наверное, это Андрей Иванович!»

А мне казалось, что я уже о нем забыла... Ан нет, не забыла, раз сразу же о нем подумала.

– Я что, секретарша, чтобы узнавать, кто пришел и вам об этом докладывать? – процедила Ольга Ивановна. – Пойди и сама узнай, кто он такой, – с еще большим раздражением ответила она и вышла из комнаты.

«Ну точно Андрей Иванович!» – Мое сердце учащенно забилося.

Я вскочила с кресла и помчалась в кабинет Ирины Сергеевны. По пути прошла мимо Ольги Викторовны и услышала ее разговор по телефону:

– Кирюша, ты покушал? Ты точно не голодный? Я уже скоро приду.

«Кирюша», – с усмешкой подумала я и постучала в кабинет директора.

– Войдите!

Я открыла дверь... и не увидела никакого Андрея Ивановича. В кабинете стоял некий мужчина в синей полицейской форме. Я его не узнала, но лицо было смутно знакомым.

– Ирина Сергеевна, вы меня звали? – растерянно спросила я.

– Да, проходи. С тобой хотят поговорить.

Почему-то Ирина Сергеевна была словно чем-то озабочена. Я поняла, что что-то произошло.

Мужчина подошел ко мне поближе. На вид ему было лет тридцать. Лицо приятное.

– Здравствуй, Валя. Меня зовут Петр, – представился мужчина. – Я сотрудник Андрея, мы работаем в одном отделе. Ты меня видела на его дне рождения.

– Сотрудник? – удивилась я. В мою душу закралась тревога: «Странно. Почему пришел его сотрудник? Почему не пришел он сам?»

– Ты только не пугайся, хорошо? – попытался подготовить меня Петр.

Естественно, я сразу же испугалась.

– Хорошо... – пробормотала я и подумала: «Неужели с Андреем Ивановичем что-то случилось?»

– Восемь дней назад мы были на задании, задерживали угонщиков, они пытались угнать две машины из автомастерской. Один из них был вооружен и открыл огонь. Пуля попала в Андрея.

Я почувствовала, как глаза сами собой расширяются, а ноги подкашиваются.

– Не бойся, он жив! – воскликнул Петр. – Его доставили в реанимацию. Он неделю был без сознания, но на днях ему стало лучше, он пришел в себя. Вчера я был у него в больнице. Он попросил сходить к тебе и рассказать о случившемся.

Я не знала, что делать – плакать или радоваться. Я расстроена из-за того, что Андрей Иванович лежит в больнице, но рада, что он меня не бросил.

Мне стало стыдно. Человеку плохо, а я думаю о себе! Какая же я эгоистка!

– А в какой больнице он лежит? – в волнении спросила я. – Его можно навестить?

– Можно, – улыбнулся Петр. – Он будет очень рад...

Весь вечер я не находила себе места. Переживала за Андрея Ивановича и корила себя за то, что подумала о человеке плохо. Решила, что он больше ко мне не придет, что он некрасиво со мной поступил, что он предатель. А он, оказывается, без сознания лежал в реанимации...

«Никогда нельзя думать о людях плохо! – сказала себе я. – Только сам человек знает, почему он совершает то или иное действие! Никогда нельзя делать выводы об окружающих, потому что не знаешь всех обстоятельств!»

На следующий день я попросила нашу повариху баба Машу, чтобы она приготовила куриный бульон, и с этим бульоном я примчалась в больницу.

Надела бахилы, мне дали белый халат и провели в палату. Андрей Иванович лежал на больничной койке. Он был бледный, грудную клетку перетягивали бинтовые повязки (значит, его ранили в грудь), но он изо всех сил старался делать вид, что хорошо себя чувствует.

Крестный был тронут, что я принесла бульон. Я сидела на больничном стуле, смотрела, как он ест, и была готова расплакаться от счастья, что Андрей Иванович меня не бросил.

Но вдруг он отставил тарелку на прикроватную тумбочку. Его лицо стало задумчивым.

– Вам не понравился бульон? – испугалась я. – Пересоленный? Или недосоленный?

– Бульон прекрасный, – рассеянно отозвался Андрей Иванович. – Я хотел что-то тебе рассказать... Точнее, спросить... В общем... – путано проговорил он, и все-таки собрался с мыслями: – Я хотел и рассказать, и спросить!

– Что? – замерла я.

Андрей Иванович молчал. Его серые глаза стали задумчивыми. Он от волнения кусал губы. Кажется, ему было тяжело говорить на какую-то тему, но он понимал, что поговорить нужно.

– Когда я был маленький, то переболел одной болезнью, и из-за этой болезни в организме возникли осложнения. Я стесняюсь тебе об этом говорить, но... у меня не может быть детей. Из-за этого от меня даже ушла жена. Это было еще там, в Мурманске... Я ей предлагал – давай усыновим ребенка, сколько детей в детдоме мечтают о родителях, а она сказала, что хочет своего. И ушла к другому мужчине... – тяжело вздохнул Андрей Иванович. – Я уже привык к мысли, что так и проживу всю жизнь бездетным. Сюда переехал. Думал, переезд поможет все это пережить. Думал, что целиком и полностью отдам себя работе. Но потом я узнал про твою ситуацию. Узнал, что ты осталась без родителей. И во мне снова появилась надежда стать отцом. Ты, конечно, уже взрослая, я не знаю, захочется ли тебе этого... Это от маленьких детей можно скрыть, что они неродные. А ты уже взрослая, знаешь всю правду... – Андрей Иванович помолчал. – В общем, подумай, как будет время... Но если ты согласишься, я буду очень рад...

Я не могла ни шелохнуться, ни вздохнуть. Я так ждала этого момента, но не думала, что это *действительно случится!* Более того, не думала, что случится тогда, когда я этого уже не жду!

Он сказал «подумай, как будет время...» Эх, знал бы Андрей Иванович, что я только об этом и думаю!

– А вы разрешите поклеить фотообои с изображением гор? – сама от себя не ожидая, внезапно выпалила я.

Андрей Иванович рассмеялся и с болью на лице притронулся к перевязанной груди:

– Да хоть весь дом оклеим! И изнутри, и снаружи! – пообещал он. Затем помолчал и осторожно спросил: – Если я правильно понял твой ответ, то после выписки мне можно заняться документами на удочерение?

– Да, – ответила я и счастливо улыбнулась.

В этот момент мне показалось, что я сижу не в больнице, где на полу постелен унылый линолеум бежевого цвета, стоят больничные койки и пахнет лекарствами, а на душистой траве посреди цветочной поляны, и вокруг порхают бабочки.

Через месяц, в конце июня, все необходимые документы были оформлены, и я навсегда покинула детский дом, вторую группу.

Но перед этим нам пришлось немного понервничать. Когда Андрей Иванович стал изучать вопрос усыновления (в моем случае «удочерения»), оказалось, что на все дела может уйти чуть ли не полгода – на сбор справок, медкомиссию, судебные заседания. Но мне хотелось побыстрее покинуть детский дом и не ждать столько времени. Да и Андрей Иванович тоже хотел почувствовать себя отцом.

– В таком случае вы можете для начала оформить не удочерение, а опеку, – посоветовала крестному Ирина Сергеевна. – Обычно опека – это промежуточная стадия усыновления или удочерения. Таким образом ускоряется процесс передачи ребенка в семью. Оформить опеку вы можете даже за месяц, и Валя сразу переедет к вам, а на удочерение может уйти месяца три – полгода. Разница между опекой и удочерением в том, что при опеке мы просто как бы временно доверяем вам ребенка, а при удочерении ребенок юридически становится вам родным. И мы решили поступить так, как посоветовала дирек-

триса – сначала крестный оформит надо мной опеку, я уеду из детдома, а потом он постепенно меня удочерит.

* * *

Пока оформлялись документы, по какой-то причине Андрей Иванович ни разу не привел меня в гости – мы все время встречались где-то на нейтральной территории. Я снова ничего не могла понять, волновалась, накручивала себя, думала, что он передумал... но когда наконец переступила порог теперь уже в качестве опекаемого ребенка, то сразу поняла: оказывается, он в срочном порядке делал ремонт и не хотел, чтобы я раньше времени увидела, *какой* сюрприз он для меня готовит.

Когда крестный показал мою комнату, я некоторое время пребывала в потрясении. На всю стену были нарисованы горы. Это не фотообои, а именно рисунок на стене. Очень талантливый рисунок. Горы, зеленые луга, кристально чистое озеро... Казалось, можно сделать шаг в стену и оказаться в озере, ощутить прохладу воды и вдохнуть свежий горный воздух.

Но еще больше поразило другое. На другой стене висел большой портрет моих родителей.

– Я не хочу, чтобы ты забывала маму и папу, – заметив мой устремленный на портрет взгляд, пояснил крестный. – Если ты стала моей дочерью, то это не значит, что я буду требовать от тебя, чтобы ты *их* забыла. Нет. Ни в коем случае. Они дали тебе жизнь. Они были прекрасными людьми. Они были моими друзьями. Поэтому обязательно нужно беречь память о них.

– Спасибо... – прошептала я. – Спасибо.

Все сложилось просто идеально. Андрей Иванович тоже был моим отцом, но только крестным. Значит, я имела право называть его папой. И я стала так его звать почти сразу. Во-первых, мне самой очень этого хотелось, потому что я уже девять лет не произносила ни «папа», ни «мама». Я истосковалась по этим словам и мечтала их произносить, но мне некого было так называть. А во-вторых, я это сделала потому, что прекрасно понимала, как сильно Андрей Иванович этого ждет. У него нет родных детей, и он думал, что уже никогда не услышит слова «папа». И вот так получилось, что я мечтала кого-то называть папой, а Андрей Иванович мечтал, чтобы *его* кто-то называл папой. Поэтому наши желания совпали.

Но прежде чем впервые произнести это слово, я долго думала, *как* это сделать? Какой выбрать для этого момент? Этим вопросом я мучилась неделю, но решение пришло само собой.

В июле теперь уже *в нашем* саду поспели ранние яблоки.

– Надо яблоки собрать, – глядя на ломящееся от плодов дерево, сказал крестный. – В этом году очень богатый урожай!

– Да, давайте соберем! – с энтузиазмом согласилась я. – Баба Маша, ну, наша повариха, однажды показывала, как варить варенье. Поэтому попробую его сварить. А еще яблоки можно порезать, разложить по пакетам и положить в морозилку, а зимой варить компот.

– Ну ты хозяйка! – восхитился крестный. – В общем, тебе будет чем заняться.

Он принес стремянку, разложил, взял ведро и взобрался на нее.

Вскоре набралось полведра красных душистых яблок. Одна ветка была прямо облеплена яблоками, похожими на огромные пылающие шары. Но росла она чуть дальше того места, где стояла лестница.

– Вот это веточка! – в предвкушении улыбнулся Андрей Иванович. – Сейчас я освобожу тебя от этого груза, и Валя сварит вкусное варенье!

Он потянулся к ветке. Но лестница стояла явно дальше, чем нужно. Я хотела сказать «может, подвинем ее поближе?», но не успела. Стремянка пошатнулась и завалилась вместе с Андреем Ивановичем.

– Папа! – бросившись к нему, испуганно закричала я.

Андрей Иванович упал на землю. Сверху на него упала лестница, а рядом свалилось ведро, из которого по зеленой траве рассыпались красные яблоки.

Крестный, на голове которого лежала стремянка, расширившимися глазами посмотрел на меня из-под перекладки и в волнении переспросил:

– Что?! Как ты сказала?!

– Оно само... вырвалось... – смутилась я. – Я нечаянно...

– Слушай... Это... Ну, – ошеломленно отозвался он, – короче, пусть оно у тебя почаще так вырывается...

– Хорошо, – улыбнулась я, подошла к... папе?... и стала извлекать его из-под стремянки.

«Ну надо же! – удивленно подумала я, снимая с него лестницу. – Готовилась-готовилась неделю, а получилось в самый неожиданный момент!»

* * *

Однажды в октябре, когда я уже четыре месяца жила у папы, встретила с Мариной, которая в детдоме жила со мной в одной комнате и с которой мы раньше учились в одном классе. Но с переездом в другой район я перешла и в новую школу, поэтому теперь мы редко виделись со старыми друзьями из детдома.

Мы гуляли. К этому моменту Андрей Иванович уже официально меня удочерил, и я юридически стала его дочерью. При удочерении мне изменили фамилию на фамилию Андрея Ивановича, и теперь я была не Валентиной Ракитиной, а Валентиной Мирной, а вот отчество даже не пришлось менять – я как была Андреевной, так и осталась.

Когда я четыре месяца жила в качестве опекаемой, то, конечно же, была очень этому рада, но вместе с тем постоянно находилась в какой-то тревоге – да, я живу с отцом, но, как точно выразилась Ирина Сергеевна, меня не покидало ощущение, что меня «временно доверили». А когда стала дочерью Андрея Ивановича по документам, то от сердца отлегло. Я поняла, что теперь у меня действительно есть родитель и меня уже никто никуда не может забрать.

Я светилась от счастья.

Марину никто не удочерил, но она тоже светилась. В разговоре оказалось, что она стала встречаться с парнем. С Вовой из четвертой группы детдома.

– Он такой классный! – восторженно делилась Марина. – Мы всю жизнь жили бок о бок, я никогда не обращала на него внимания, а оказалось, что он такой парень! Он такой добрый! Говорит мне такие приятные слова! Так заботится обо мне! Он меня даже в кафе один раз сводил, представляешь? Он сам заработал – рекламные объявления на улице раздавал, – пояснила она и неожиданно спросила: – А ты с кем встречаешься?

– Ни с кем, – растерялась я. – А надо?

– Ну, никаких требований и правил нет... – пожала плечами Марина. – Но вот у нас уже многие влюблены... Слушай! А давайте мы все вместе погуляем! Я, ты, Вовка и Димка!

– Какой Димка? – не поняла я.

– Из первой группы! Ну, футболист! Который тогда в лагере отодвинул от тебя сынка воспитательницы, когда он хотел с тобой сфоткаться!

– Марин... – смутилась я. – Я даже не знаю... Я как-то вообще об этом еще не думала...

– А ты подумай! – порекомендовала Марина.

И с тех пор я действительно стала об этом думать. В последний год я увлеклась книгами и весь год жила будто в другой реальности. Но тут, в жизни, многие девчонки уже встречаются с парнями... А я это как-то пропустила...

С того дня я начала обращать внимание на окружающих, а именно на пары. Парни с девушками о чем-то мило разговаривают, тепло улыбаются друг другу, встречаются по вечерам и ходят в кино...

И у меня возникли новые чувства – такие, которых не было, когда я была помладше, – а ведь действительно, Марина права – это так здорово иметь рядом с собой человека, которому можно довериться, о котором будешь думать и заботиться...

Когда возникли эти мысли, я тут же себя одернула: «Валя, о чем ты говоришь? У тебя же есть папа! Ему доверяйся! О нем заботься! Тебя только что удочерили, а ты уже думаешь о каком-то другом человеке!»

Но все равно было какое-то несогласие с самой собой. Я поглубже исследовала свои чувства и внезапно поняла: любовь к родителю и любовь к парню, к ровеснику, – это совершенно разные чувства. Любовь к родителю – это любовь ребенка к матери или к отцу, а вот чувства к парню – это чувства другого рода. Это желание вместе с ровесником познавать жизнь, делать какие-то открытия, чему-то учиться, заботиться о нем, понимая, что вы – одно целое.

Вот, например, Марина. Она тоже мечтает о родителях, но вместе с тем она встречается с Вовкой. Так же и другие дети.

Сделав этот вывод, я позвонила Марине и согласилась на прогулку с Димкой.

Перед встречей страшно переживала, хоть я знала Димку всю жизнь. Мы с ним даже сидели в столовой рядом за одним столом, и я часто отдавала ему свою сосиску. Он накалывал ее своей вилкой прямо в моей тарелке.

Но сейчас это была не просто обычная встреча, а... свидание. Мы все выросли и сейчас смотрели друг на друга не как дети, а как взрослые люди.

И вот мы встретились. Марина с Вовкой и мы с Димкой. Это был теплый осенний день. Под ногами шуршали золотистые листья. Мы гуляли по набережной Дона. По реке плыли теплоходы.

Перед прогулкой я красиво оделась. Кстати, насчет одежды хочу сказать, что раньше у меня не было какого-то одного любимого стиля, все время одевалась по-разному, но после того, как стала интересоваться расследованиями и поняла, что хочу работать в правоохранительных органах, мне стали нравиться строгие юбки и блузки, напоминающие женскую полицейскую форму. Поэтому в последнее время я стала придерживаться именно этого «официального» стиля, и он мне очень нравился. Благодаря внешним переменам я даже внутренне стала более организованной.

Итак, я надела юбку, блузку и сделала прическу, уложила свои темно-каштановые волосы, выделила гелем некоторые выющиеся пряди. Подкрасила ресницы, хотя редко их крашу, надела туфли с небольшими каблучками, хотя каблучки не люблю. Все это сделала ради Димки. По нему я заметила, что он тоже нарядился, выбрал самую лучшую одежду из своего небогатого детдомовского гардероба и даже сделал стрижку.

«Тетя Катя подстригла», – подумала я.

Во время прогулки Димка часто старался словно невзначай коснуться моей руки.

У меня волнительно билось сердце. Я рисовала в фантазии, что мы с Димкой теперь будем созваниваться, общаться, встречаться и ходить на романтические прогулки по красивым местам города...

Пока он вдруг не сказал:

– Ой, Ракета, а помнишь, как тебя обстригли? – От смеха он согнулся пополам. – Весь детдом до сих пор ржет! У тебя так уши торчали! А еще больше стали торчать, когда тетя

Катя обкорнала тебя под машинку! Уши были как локаторы! Вот такие! – произнес он и приставил к своим ушам растопыренные ладони, чтобы продемонстрировать.

Я остановилась посреди набережной как вкопанная.

– Ты чего? – удивился Димка. – Ну я же правду говорю!

– У тебя вместо головы футбольный мяч, – печально констатировала Марина.

Мои глаза наполнились слезами. Я всеми силами старалась не расплакаться, но слеза потекла по щеке. А следом за ней потекла тушь. Мне стало еще обиднее, ведь я специально для него накрашила ресницы!

Кроме того, я даже не знала, что в тот «лысый период» мои уши выглядели большими.

И это стало для меня еще одной неожиданной новостью.

– Ракета, ну ты помнишь? – допытывался у меня Димка.

– Да с вами забудешь! – рявкнула я, резко развернулась и, впечатывая каблуки в асфальт, стремительно ушла с набережной.

Внутри все клокотало. Все это из-за сына воспитательницы! Этот случай с отрезанными волосами дал отголосок на всю жизнь!

Я пришла домой, сняла этот дурацкий наряд и взяла с полки очередной детектив.

Я решила, что не нужны мне никакие отношения. Я ничего не хочу! Все парни такие жестокие!

Этот случай напрочь отбил желание с кем-то встречаться.

Все парни помнят, что я была лысой, и все до сих пор надо мной смеются!

Глава 5

Привет из прошлого

Ну вот, теперь вы знаете мое прошлое: что стало с моими родителями, как у меня появился отец, как мне жилось в детдоме – словом, знаете мою жизнь до того момента, как я проснулась летним утром и стала собираться в поездку.

С момента удочерения прошел год. Был июнь. В новом учебном году мне предстояло окончить одиннадцатый класс, так что эти летние каникулы были последними в школьной жизни. Папа подарил мне на день рождения десятидневную путевку в горы. После этого подарка несколько дней я не могла прийти в себя. Никак не получалось осознать, что увижу горы собственными глазами. Я побываю в тех местах, о которых мечтала в детдоме несколько лет!

И вот сейчас мы ехали на железнодорожный вокзал. Папа должен посадить меня на поезд и отправиться на работу.

Мы приехали на вокзал. Я еще ни разу не ездила на поезде. Ехать предстояло десять часов. Как я уже рассказывала, два года назад вместе с детдомовскими отдыхала в лагере, но это было в соседнем городе, и добирались мы туда на автобусе – поездка длилась всего час.

– Как приедешь, сразу же позвони, – напомнил папа.

– Хорошо, – кивнула я.

Я взяла с собой сразу два мобильных телефона на смену друг другу – на тот случай, если в одном разрядится аккумулятор. Ведь в горах будет негде их заряжать.

Папа припарковался у вокзала, и мы направились к поездам.

– Наш поезд проходящий, – сказал папа, прочитав информацию на табло. – Вот, видишь? Поезд Москва – Адлер прибывает к первому пути.

Я посмотрела на табло, на котором красным высвечивалась информация.

Поезд был Москва – Адлер, но я ехала не в Адлер, а в другой город, который находится ближе.

Мы отправились к платформе.

– Туроператор предупредил, что руководитель вашей группы будет с плакатом, – вспомнил папа, внимательно разглядывая людей, которые сновали туда-сюда с тележками, чемоданами и сумками.

– Вон он! – Я первая его увидела.

– Точно! – обрадовался папа.

Мы направились к мужчине лет тридцати пяти, который держал плакат с надписью «Горы». Он был высокий, спортивный и с панамкой на голове.

– Добрый день, – поздоровался с ним папа. – Мы по путевке. Это Валя, моя дочь. Я не поеду, она едет одна.

– Привет, Валя, – дружелюбно поздоровался мужчина. – Меня зовут Роман Семенович, и все десять дней я буду руководить нашей группой. А вот, кстати, и сама группа. Только это еще не все. Должен подойти еще один человек.

Я оглядела нашу компанию. Она состояла из ребят моего возраста.

– Привет, – поздоровалась я со всеми.

– Привет, – откликнулись они.

Все рассматривали друг друга с большим интересом. Нам предстояло жить вместе десять дней. В группе тоже было десять человек.

Я сильно волновалась. От нервов даже разболелся живот.

– С тобой все нормально? – заметил мое состояние папа. – Ты такая бледная!

– Просто волнуясь, – через силу улыбнулась я. – Я еще никогда не ездила в такие поездки.

Я услышала странный шум, которого прежде не слышала. Огляделась, чтобы найти его источник, и с изумлением поняла, что это шумят рельсы! Железо издавало какой-то непонятный шорох.

– О, а вот и наш поезд! – бодро воскликнул Роман Семенович.

Я обернулась. К нам приближался поезд. Посередине каждого вагона под окнами была прикреплена табличка с надписью «Москва – Адлер». Значит, рельсы шумят из-за поезда!

Стало еще страшнее. Нет, я была очень рада, что еду в поездку, но впереди ожидала неизвестность – я не знала, как там в поезде, не знала, что будет в походе... У меня даже пролетела мысль: «Хочу вернуться домой!»

К поезду стали стекаться люди.

– Поезд стоит двадцать минут. Нужно поторопиться, – сквозь шум толпы я услышала голос Романа Семеновича. – Заносите свои вещи.

– Валя, пойдем. – Папа взял мой рюкзак и направился к вагону.

Я посмотрела на Романа Семеновича. Он тоже взял чей-то рюкзак, но вдруг какой-то парень, по виду мой ровесник, грубо выхватил рюкзак из его рук и недовольно пробурчал:

– Отдай! Я сам.

– Давай я помогу, – попытался настоять Роман Семенович.

– Я же сказал – я сам! Отойди! – грубо ответил парень и, подхватив рюкзак, забрался в вагон.

Роман Семенович грустно вздохнул и занялся другими участниками похода.

«Кажется, они знакомы давно», – отметила я.

Проводница проверила мой паспорт и билет и пригласила в вагон.

Мы поднялись по ступенькам. Они были железными, высокими и крутыми, – еще круче, чем наши ступеньки, которые ведут к Дону.

Затем пошли по длинному узкому коридору, на полу которого был постелен такой же длинный и узкий коврик. Обстановка поезда была для меня удивительной и необычной – я никогда не видела, как поезда выглядят изнутри.

– Вот твое место, – сказал папа, остановившись возле одной «комнатки» с несколькими полками.

Мы вошли внутрь. Здесь было так тесно! Не понимаю, как здесь умещаются несколько человек! К тому же было очень душно. Я мгновенно покрылась испариной.

– Так, какой у тебя номер? Двадцать три? – Папа посмотрел в билет. – Вот твоя полка, – произнес он, опуская рюкзак на правую нижнюю полку.

В купе вошли и столпились еще несколько девчонок из нашей группы. Видимо, они ехали со мной. Стало еще теснее. Я ощущала себя куклой в кукольном домике.

Мы с папой вышли в коридор, чтобы не мешать раскладывать вещи.

Вскоре услышали голос проводницы:

– Провожающие, выходим! Поезд отправляется!

– Ну все, мне пора, – вздохнул папа.

– Уже? – расстроилась я.

– Уже... Валь, не переживай! Ты даже не заметишь, как пролетят эти дни, – подбодрил меня он, хотя было видно, что он тоже расстроен. – Сейчас освоишься, и все будет хорошо. Не забывай делать фотографии!

– Хорошо, – пообещала я.

Папа тепло обнял меня и пошел к выходу. Спустя несколько секунд я увидела его на перроне – он стоял под моим окном, улыбался и махал рукой. Я огляделась по сторонам – многие пассажиры тоже стояли у окон и смотрели на близких, которые их провожали.

Неожиданно я почувствовала, как пол дрогнул, и на вокзале громко заиграла песня «Левый берег Дона». Многие пассажиры расчувствовались, и у них слезы хлынули из глаз.

Вокзал поплыл куда-то в сторону.

«Тронулись!» – поняла я.

Папа помахал мне рукой и улыбнулся, но его улыбка была очень грустной.

Я тоже ему помахала и подумала: «Как он там будет без меня?»

Перрон вместе с папой уехал в сторону. Я прислонилась к краю окна, пытаюсь как можно дольше смотреть на папу, но часть перрона, где он стоял, уже скрылась из поля зрения. Я видела других людей – чужих родственников, которые тоже кого-то провожали. На вокзале было очень много людей. Мальчики, девочки, мужчины, женщины... Столько разных лиц...

И в этот момент меня словно прострелило. В толпе провожающих я увидела Ольгу Викторовну – воспитательницу из детдома! Ту самую, чей сыночек отрезал мне волосы!

«Что она тут делает? – изумилась я и сама себе ответила на этот вопрос: – Как это – что? Кого-то провожает. Может, кто-то из ее родственников уехал на море. Поезд же идет в сторону Черного моря, в Адлер».

Надо же... Я уже год не видела Ольгу Викторовну... Надо признать, она выглядела лучше, чем раньше – стала как-то свежее, моложе, и я не заметила на ней ни одной ссадины, хотя раньше она часто ходила с синяками.

Поезд выехал за пределы вокзала и поехал мимо хозяйственных построек.

«Ту-дух, ту-дух... Ту-дух... ту-дух...» – стучали колеса.

Я ушла от окна и отправилась в купе.

Со мной ехали три девчонки примерно моего возраста.

– Давайте знакомиться, – предложила одна из них, рослая, очень плотного телосложения, с голубыми глазами, с кудрявыми рыжими волосами и обильными веснушками. – Меня Люба зовут. А вас?

– Жанна, – слегка высокомерно ответила высокая, сильно худая, с прямыми черными волосами, собранными в хвост. У нее был красивый маникюр. Она обмахивалась ярким журналом мод.

– Я Зина, – представилась девчонка среднего роста с русыми волосами, постриженными под каре. У нее был грубоватый голос и немного грубоватые повадки.

– А я Валя, – откликнулась я.

– Это моя вторая поездка в горы! Физические нагрузки в походах очень помогают сбросить вес! – сообщила Люба, энергично раскрывая пакет и вынимая пластиковый контейнер с копченой курицей. Следом достала огурцы, картошку в мундире и помидоры. – Ой, девчонки, я так проголодалась! Пора бы уже перекусить!

– Как – перекусить? – изумилась Зина. – Мы же только сели!

– Ну и что? Угощайтесь! На, – сказала Люба, протягивая Жанне два контейнера – один с картошкой, другой с курицей.

– Ты что, ешь картошку? – повела носом Жанна. – Нет, спасибо. Так фигуру можно испортить.

– Ой, не комплексуй, – махнула рукой Зина, взяв картошку. – Тебе ее, наоборот, надо приобретать, – произнесла она и гоготнула.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Жанна.

– Больно ты худая, кожа да кости, – откусив помидор, пожала плечами Зина. По подбородку потек сок. Она вытерла его тыльной стороной ладони.

Жанна открыла рот, явно чтобы ответить что-то резкое, но в этот момент послышался хруст: Люба руками разломала копченую курицу.

– На, – сказала она, протягивая Жанне куриную ножку.

– Что за «на»? Не «на», а «возьми»! – не вытерпела Жанна, закатила глаза и отвернулась к окну.

Любина рука с курицей зависла в воздухе.

– Не хочешь – как хочешь, – пожалала плечами Люба и переместила руку с ножкой ко мне.

Я хотела ее взять, но к нам вошла проводница, с удивлением оглядела этот пир и попросила:

– Билетики.

Мы протянули билеты. Проводница поочередно открывала каждый билет и вырывала из середины какую-то бумажку. Мы все молчали. Было слышно, как Зина жизнерадостно причмокивает помидором.

В вагоне становилось все более душно и жарко. Но неожиданно сверху что-то зашумело, и я почувствовала, что с потолка полился поток прохладного воздуха.

– Ну наконец-то кондиционер включили! – недовольно сказала Жанна. – Я уже вся запарилась журналом обмахиваться!

Проводница не обратила внимания на это высказывание, вернула билеты и спросила:

– Будете чай с лимоном?

– Да! – сказала Люба. – Мне два!

Жанна с ошалевшим выражением лица снова отвернулась к окну.

– Мне один, – сказала Зина.

– Спасибо, я пока не хочу, – откликнулась я.

Проводница ушла.

– По-моему, каждому времени года соответствует свой напиток, – заметила я. – Лету – холодный компот, а зиме – чай с лимоном.

– Это да. Но в поезде все по-другому, – вгрызаясь в куриное крылышко, кивнула Зина. – Это в поезде такая традиция – пить чай с лимоном.

– Да? – удивилась я. – Не знала.

– Ты что, никогда не ездила в поездах? – изумилась Жанна.

– Не ездила.

– Да ладно? – удивилась Зина. – А почему? Тебя что, родители никуда не возили?

– Не возили, – не став вдаваться в подробности, ответила я.

– Ой, ну ты не комплексуй, все бывает в первый раз, – подбодрила меня Зина.

Проводница принесла три стакана чая в подстаканниках – два Любе и один Зине.

Это удивительно, но вскоре мне тоже захотелось чая с лимоном. Атмосфера поезда почему-то очень к этому располагала, хотя на улице был жаркий июнь.

– Я все-таки тоже схожу за чаем, – сказала я и вышла из купе.

В коридоре было пусто, потому что пассажиры уже разбрелись по полкам, и тихо, потому что одни начали читать, другие спать, а третьи есть. Только слышно, как колеса стучат по рельсам – «ту-дух, ту-дух...»

Я посмотрела в окно. Поезд ехал вдоль Дона.

Я направилась к проводнице.

Но вдруг справа из купе кто-то вышел и перегородил мне путь.

– Извините, можно пройти? – попросила я.

– Да, простите, – ответил мужской голос.

Человек отошел в сторону, мельком взглянул на меня... и я остолбенела.

– Ракета?! – изумился он.

– Ты?! – Я была изумлена не меньше.

Это был Кирилл Матвеев. Сын Ольги Викторовны. Я узнала его сразу.

«Так вот почему она была на вокзале – сыночка своего провожала», – поняла я.

– А куда ты едешь? – спросил сынок воспитательницы, удивленно рассматривая меня зелеными глазами.

– В горы на десять дней, – в замешательстве ответила я. От растерянности даже забыла, что просто не выношу этого человека. – А ты?

– В горы на десять дней... – так же растерянно, как и я, отозвался он.

Меня как обухом по голове ударили.

– Подожди, как – в горы? – оживился сынок воспитательницы. – С кем? С Романом Семеновичем?

– Неважно, – резко ответила я и решительно пошла по коридору к месту проводницы. Я уже пришла в себя. Мне не хотелось разговаривать с человеком, который изуродовал и мои волосы, и мою жизнь.

– Ракета! – крикнул Кирилл мне вслед. – Подожди! Ракета, ну постой!

Он догнал меня и взял под локоть.

На нас с любопытством посмотрели пассажиры, которые лежали на своих полках.

– Не прикасайся ко мне! Я не знаю, кто ты! – Я вырвала локоть из его руки и продолжила путь по качающемуся вагону.

– Ну Ракета!..

Я его не слушала. Я шла.

Я была просто убита. Если могло случиться что-то настолько ужасное, что испортило бы мне всю поездку, то оно случилось! Кирилла я не переносила всем своим нутром. Это человек, который не вызывает во мне ни одной положительной эмоции. Это человек, из-за которого я постоянно подвергалась насмешкам и из-за которого все дразнили меня лысой! Если бы не он, Димка не посмеялся бы надо мной на первом в моей жизни свидании!

Я остановилась посреди вагона. В памяти вспыхнули воспоминания: я просыпаюсь в лагерьном домике, а на меня смотрят девчонки и покатываются со смеху. Я гляжу на себя в зеркало, которое услужливо протягивает довольная Алина, и вижу на голове рваные клоки волос.

После этого воспоминания пришло другое: весь лагерь собирается на экстренной линейке. Выясняется, что меня изуродовал Кирилл. Ольга Викторовна спрашивает: «Кирюша, зачем ты это сделал?» На что он с наглым выражением лица отвечает: «А мне так захотелось!»

После этого несколько месяцев я жила в настоящем кошмаре – парни постоянно пытались сорвать косынку и смеялись надо мной.

Какой же он жестокий! Ему так захотелось!

Меня обдало жаром. Внутри все кипело. Я не переносу Кирилла! Не переносу!

Вот, значит, кого Роман Семенович ждал на вокзале... Вот кто еще должен был подойти к нашей группе...

Ну зачем, зачем сынок воспитательницы испортил мою мечту? Я всю жизнь хотела оказаться в горах, но он влез в эту хрустальную мечту и истоптал ее грязными ногами!

Он испортил все! Все, что было мне дорого! Обстриг мои волосы, а теперь сломал мечту о горах! Это настоящий человек-разрушитель!

Я в шоке! Он в моей туристической группе, а это значит, что мы десять дней будем рядом! Мы будем есть из одного котла! Мне придется постоянно его видеть! Потрясающе! Я даже не представляю, как мы проведем вместе десять дней, если я не хочу видеть его ни секунды?!

Мне захотелось нажать на стоп-кран и выйти из поезда. Не хочу я никаких гор, если там будет сынок воспитательницы! А если он снова отрежет мне волосы?!

Но внезапно в голове что-то щелкнуло. Я словно переключилась на другую волну и подумала: интересно, а почему это я должна выходить из поезда? Папа подарил мне путевку,

я мечтала о горах... Так почему я должна портить себе поездку из-за какого-то там сына воспитательницы?

«Я поняла! Просто буду делать вид, что не знаю его! Как будто его рядом нет, и совершенно не стану на него реагировать! – постаралась я успокоиться. – Надо набраться терпения! Ведь это всего лишь на десять дней!»

На этой позитивной ноте я вернулась в купе. Зина с Любой звонко щелкали семечки.

– А где чай? – спросила Зина.

– Чай? – не поняла я. – Какой чай?

– Ну ты же за чаем ходила, – напомнила она. – С лимоном.

Я не понимала, о чем она говорит. В голове все перемешалось – детдом, лагерь, отрезанные волосы...

«Точно! Я же хотела попросить у проводницы чая!» – обомлела я. И призналась:

– Я забыла, что шла за чаем...

– Ой, не комплексуй! – подбодрила меня Зина.

– Бывает... – сочувственно отозвалась Люба и щелкнула очередную семечку.

– Куда я попала... – послышался недоуменный голос Жанны.

Я развернулась и вновь ушла за чаем.

Глава 6

Горный дикарь

Все десять человек в нашей группе были сплочены одной общей целью – дойти до вершины горы высотой две тысячи метров. Так получилось, что поездка совпала с ожидаемым полным затмением солнца, и мы решили совместить два дела – добраться до вершины и именно там увидеть затмение. Это будет очень эффектно и незабываемо, впечатления останутся на всю жизнь! Наверное, это очень здорово – сидеть на вершине горы и смотреть на солнечное затмение!

По пути на вершину должны будем останавливаться в определенных местах, чтобы насладиться природой – сходить к водопадам и озерам, погулять по полям и хвойным лесам...

Наступило утро, то есть первый день поездки. Почти всю ночь я не спала. Во-первых, потому что матрас в купе был с какими-то комками, которые давили в спину, а во-вторых, думала о доме.

Полшестого утра начало светать. Я вышла из купе и встала у окна. И просто остолбенела. Мы ехали мимо Черного моря! Оно было бескрайним и притягивающим. Сейчас еще не взошло солнце и море имело серый цвет, но я представляла, как днем оно заискрится от солнца! Трудно даже уложить в голове, сколько же в море тонн воды! Наверное, миллионы! Миллиарды! Я смотрела на море во все глаза и не могла оторваться.

Через какое-то время заметно посветлело и море из серого сделалось голубым.

Когда мы вышли из поезда, на джипах-внедорожниках нас повезли в горы. По пути я позвонила папе и сообщила, что мы хорошо добрались.

Вскоре въехали в хвойный лес.

– Вот отсюда и начнем наш путь, – глуша двигатель, сказал Роман Семенович. – Сейчас мы находимся на высоте тридцать метров над уровнем моря. А гора, на которую будем подниматься, высотой два километра. Собственно, сейчас мы стоим у ее подножия.

Мы выбрались из джипов и начали осматриваться.

Мы стояли в долине. Вокруг возвышались горы – одни маленькие, другие большие, и маленькие горы были похожи на грибочки, которые выросли вокруг больших грибов.

Создавалось впечатление, будто эта долина – дно гигантской чаши, стены которой – горы. Было очень тихо, умиротворяюще, и не было видно ни одного человека. В сравнении с горами я почувствовала себя ничтожной. Эти великаны были настолько высокими и мощными, что даже как-то давили своим величием.

Здесь повсюду были бескрайние просторы, зеленые луга, долины и реки.

По небу плыли низкие облака, которые отбрасывали на землю тень. Казалось, что мы стоим не на земле, а в небе – можно протянуть руку и потрогать облака.

– Здорово, да? – спросил Кирилл.

Я не заметила, как он ко мне подошел. Он тоже рассматривал горы.

Я выразительно хлестнула его взглядом, отвернулась и отошла в сторону. Не хотела с ним разговаривать. Даже при одном взгляде на сынка воспитательницы мне становилось противно.

Мы разобрали вещи. Кроме палаток и спальных мешков было четыре рюкзака с едой, которой станем питаться на протяжении недели.

Я повесила за спину свой спальный мешок. Сначала было непривычно ощущать такую тяжесть.

– Ну что, в путь! – дал старт Роман Семенович. – Я всех поздравляю – начинается наше восхождение! Ура!

– Ура! – радостно закричали мы.

Было чувство, словно совершаем какой-то подвиг. На лице сама собой появлялась улыбка, а настроение стало возвышенным.

– Сегодня мы должны дойти до Голубого озера, там разобьем лагерь, – обозначил ближайшие планы руководитель. – Я прошу вас – не забывайте пить воду и есть сухофрукты! Чем выше станем подниматься, тем меньше будет кислорода. В сухофруктах есть глюкоза, она очень нужна организму. Глюкоза необходима мозгу, а вода – сердцу. Ведь ваши сердца никогда не знали такой нагрузки, какая будет здесь.

– Па, хватит, – резко сказал тот парень, который еще на вокзале в Ростове не дал Роману Семеновичу нести рюкзак. С виду он был нашим ровесником. – Надоело уже. Мы не на уроке медицины.

«Значит, это его сын, – подумала я. – Как-то грубо он себя ведет».

– Игорь, веди себя прилично, – услышала я шепот Романа Семеновича.

Игорь сделал недовольное лицо и пошел вперед.

Колонной, один за другим, мы двинули по тропинке.

К Голубому озеру добирались весь день. Так много и по таким невероятным местам я еще никогда не ходила. У меня болели ноги, колело в боку, по лбу тек пот, попадал в глаза, глаза от этого щипало. Но я терпела.

Только я подумала об усталости, как услышала голос Жанны, которая шла позади меня:

– Нагрузили меня, как осла! Чувствую, после поездки придется лечить позвоночник.

– Ну так оставь и не носи свой спальный мешок, будешь спать на земле, – ответила Зина и заправила за ухо русые волосы.

– Вообще-то я к тебе не обращалась, – раздраженно ответила Жанна.

– Я разговариваю, когда хочу разговаривать, а не только тогда, когда ко мне обращаются, – пожала плечами Зина.

– Разговаривай с кем-нибудь другим, но не со мной!

– С кем считаю нужным – с тем и разговариваю, – хмыкнула Зина.

– Девчонки, хватит ссориться! – встрял Игорь. – Не успели начать поход, как вы уже ругаетесь!

– Действительно, зачем она мне нужна, – сказала Зина и ушла вперед колонны.

Когда начало темнеть, впереди показалось Голубое озеро. Это был небольшой красивый водоем, в который впадали несколько ручьев. Но я удивилась не красоте озера, а тому, что вдруг осознала, что уже прошел день! Он пролетел как одна секунда!

Возле озера лежали поваленные деревья – видимо, упали то ли от старости, то ли от ветра. Здесь мы и решили разбить лагерь. Возле бревен можно развести костер, а сами бревна будут служить скамейками. Неподалеку расставили палатки. В каждой было по два места; мы с Любой решили, что будем жить вместе.

Когда начало темнеть, развели костер и всей группой расселись на бревна. Сейчас я впервые за день расслабилась и почувствовала весь путь, который проделали уставшие ноги.

Мы распределили обязанности на предстоящие дни. Девчонки будут заниматься готовкой, а парни собирать хворост.

После этого все начали разбредаться по окрестностям и наслаждаться зрелищами.

– Ребята, гуляйте осторожно! – предупредил Роман Семенович. – Уже темно, далеко не отходите! Игорь, ты слышишь? – обратился он к сыну.

– Слышу, – буркнул Игорь.

«Видимо, у них непростые отношения», – поняла я.

Я посмотрела на Кирилла. С задумчивым видом он сидел у костра.

Стемнело. Все вокруг погрузилось в сумрак. Над нами висело черное небо, и на его фоне были видны темные очертания гор.

Подул легкий ветерок, и я почувствовала аромат хвои. Ветер принес его от соснового бора, который рос неподалеку.

Было тихо. Почему-то все молчали. Каждый, наверное, думал о своем. Атмосфера гор располагала к размышлениям. Было только слышно, как потрескивали дрова в костре и пели цикады.

Внезапно где-то далеко в горах раздался жуткий вой:

– У-у-у-у! У-у-у-у!

Я вздрогнула. Мороз пробрал по коже.

– Что это было? – побелела Люба, с трудом проглотив кусок шоколадки. – Вы слышали?

– Нет, это слышала только ты, а все остальные глухие! – съехидничала Жанна и обратилась к Роману Семеновичу: – Здесь что, волки?

– Здесь никогда не было волков! – растерянно отозвался он.

– Но тогда что это было? – пожившись, спросил сынок воспитательницы.

– Не знаю, – честно ответил Роман Семенович. – Может, просто какие-то лесные звери... Иногда какая-нибудь мелюзга издает такие звуки, что слышно на всю округу. Вот как цикады. Слышите, какие они громкие? А длиной эти насекомые всего пару сантиметров!

– Что-то мне не верится, что тот воющий зверь длиной пару сантиметров! – с истерическими нотками в голосе сказала Жанна и поправила свои прямые черные волосы.

Только она это произнесла, как вдруг в горах снова что-то завывало.

– У-у-у-у! У-у-у-у!..

Меня накрыла волна ужаса.

– Кошмар какой-то! – воскликнула я.

Однако вой не приближался. Он как был где-то далеко, так там и остался. На волчий вой это действительно не походило. Может, это прозвучит странно, но такое чувство, будто... кричал какой-то человек.

Несколько минут все сидели молча, ожидая, когда странный зверь завоюет снова. Но он больше не выл. В воздухе витала явная атмосфера тревоги. Если еще полчаса назад все было замечательно, то теперь мне было страшно. И судя по лицам остальных, им тоже.

– Давайте спать, – попытался разрядить обстановку Роман Семенович. – Уже девять часов.

– Да ну, еще рано! – сказал Коля, рослый парень.

– Это в городе рано, – ответил Игорь, – а здесь не рано. Здесь же нет ни Интернета, ни телевизора...

Мы поднялись с бревен и разбрелись по палаткам.

– Закрой поплотнее, – попросила Люба, когда мы оказались в палатке.

Я плотнее закрыла застежку.

– Ага, вот так, – кивнула Люба. И добавила: – У меня от этого воя даже аппетит пропал.

Была глубокая ночь. Весь лагерь спал.

Я лежала в спальном мешке и довольно крепко спала. Но потом стало дискомфортно – спальный мешок был не таким мягким, как кровать, и из-за этого болели бока. Я проснулась и почувствовала, что болят не только бока, но и мышцы практически всего тела – от сегодняшнего многокилометрового похода по горам.

Было где-то два часа ночи.

Я приподнялась и увидела, что Люба спит. Из ее спального мешка выбились кудрявые рыжие волосы.

Я снова закрыла глаза, стараясь не обращать внимания на неудобную «постель», и через несколько минут вновь удалось задремать.

И внезапно в полудреме я услышала странный шум. Там, неподалеку, что-то начало греметь. С глухим стуком лязгало что-то железное.

«Наверное, кто-то споткнулся», – в полудреме решила я.

Но лязганье никак не прекращалось. Оно становилось все настойчивее и настойчивее.

– Ну что там такое... – пробурчала я.

Люба тоже зашевелилась.

– Валя, кто там шумит? – сонным голосом спросила она.

– Не знаю, – ответила я, раскрыла спальный мешок и приподнялась.

Железный стук не прекращался.

– Надо проверить, что происходит, – сказала Люба, и мы выбрались из спальных мешков.

Взяли фонарики, раскрыли палатку и вышли наружу.

Начала выпадать роса. Все кругом стало влажным.

Вдруг мы увидели, что расстегивается соседняя палатка Жанны – и она тоже выходит. Из другой палатки вышел Игорь. Остальной лагерь мирно спал.

– Что там? – разглядев нас в потемках, обратился Игорь. – Шум какой-то, слышите?

– Поспать не дают! – недовольно сказала Жанна. – Вот я так и знала, что не надо было сюда ехать! Так нет же – мама запихнула меня в эту поездку! Вечно она делает все не так!

– Радуйся, что у тебя вообще есть мама! – не вытерпела я.

– Что? – не поняла Жанна.

Но ответить я не успела – снова раздался железный стук.

– Это со стороны костра, – шепотом сказала Люба и вдруг ахнула: – Ой, девчонки! Я этот звук узнаю из тысячи! У меня мама работает на продуктовой базе. Это консервные банки стучат!

– Было бы удивительно, если бы твоя мама работала где-то в другом месте, – усмехнулась Жанна.

– Но кто может ночью заниматься готовкой? – озадачилась я.

– Нет, ну что за хамство? – пробурчала Жанна. – Спать не дают!

– Тихо! – насторожилась Люба. – Слышите, снова?

Жанна включила фонарик и осветила нас.

– Не свети в глаза! – поморщилась Люба.

До костра было метров пятнадцать.

– Я иду туда, – решительно сказал Игорь и пошел вперед.

За ним отправилась Люба, а мы с Жанной за ней. В ночи могучая фигура Любы напоминала огромный корабль-ледокол, за которым следовали маленькие лодочки, то есть мы с Жанной.

На цыпочках подобралась к площадке, где вечером разводили костер. Он уже прогорел, и теперь от него шла только тоненькая струйка дыма, которую тут же подхватывал горный ветер и рассеивал в чистейшем воздухе.

Внезапно Люба остановилась. Я врезалась в ее спину.

– Что такое? – спросила я.

Вместо ответа Люба дико завизжала.

– А-а-а-а! А-а-а-а! А-а-а-а! – Ее писк резал по ушам, как ультразвук.

От напряженного крика она даже согнула колени.

– Да хватит! – воскликнула Жанна. – На ежика наступила?

Игорь светил фонариком на пространство возле костра. На его лице отражались все оттенки ужаса. От страха он просто онемел и стоял с расширившимися глазами.

Когда мы с Жанной увидели ЭТО, то стали визжать вслед за Любой.

А как не визжать? Возле прогоревшего костра стояла высокая фигура. Этот то ли человек, то ли зверь был весь покрыт то ли шерстью, то ли волосами. Кажется, даже его лицо – и то было в шерсти. Но больше всего меня удивило, что существо было одето в старые потрепанные штаны и такие же изношенные ботинки.

Оно стояло возле наших рюкзаков, которые были набиты едой: супами быстрого приготовления, хлебом, консервами, кашей, – и копалось среди всего этого изобилия, видимо, выбирая из ассортимента подходящие продукты.

Оно увидело нас и злобно зарычало:

– Г-р-р! Г-р-р-р-р!

Игорь светил в него фонариком. Существо морщилось и закрывало глаза руками.

Оно сделало рывок в нашу сторону, оскалило зубы и снова зарычало.

– Г-р-р-р!

– А-а-а-а! – истошно завизжала я. – Помогите!

Кажется, мой крик до сих пор витает где-то среди гор.

Существо еще раз рыкнуло, затем быстро схватило два огромных рюкзака с едой и нырнуло в заросли.

Люба стояла и рыдала от страха, а Жанны и след простыл. Игорь же замер как вкопанный, с округлившимися от страха глазами, и его левая бровь нервно дергалась.

– Девчонки, мотаем! – закричал он, и мы, сбивая друг друга с ног, помчались обратно в лагерь.

– Ну их в баню, эти горы! – сквозь слезы ужаса кричала Жанна, которая бежала впереди нас. – Не нужно мне никакое затмение! Я собираю вещи!

Я все еще не могла прийти в себя и не понимала, что происходит.

Жуткими криками среди ночи мы перебудили всех. И тут и там шевелились палатки, слышались недовольные голоса и включались фонарики. Все вышли на улицу.

– Что вы кричите? – освещая нас фонариком, поинтересовался заспанный Роман Семенович. – Вам делать нечего?

– Это *нам* делать нечего?! – в слезах прокричала Жанна. – Это *вы* куда нас привели? Я думала, это будет нормальный поход, а это!.. А это!.. Я не знаю, *что* это!

– А что это? – изумился Роман Семенович.

– Пока вы тут все спите, среди нас ходит чудовище! – с упреком сказала Люба. – Оно копалось в наших рюкзаках с едой!

– Какое еще чудовище? – в очередной раз не понял руководитель.

Вокруг начал собираться народ. Жанна убежала в палатку.

– Вон там! – включилась я в беседу. – Возле костра мы услышали шум, проснулись, пошли туда и увидели, как в наших рюкзаках с едой роется какое-то существо. Огромное, лохматое, жуткое... Оно рычало... Оно было похоже на человека, но только очень высокое и волосатое... По-моему, это и был человек... Но почему-то весь в шерсти... – растерялась я.

– Короче, это был какой-то горный дикарь! – заключила Люба.

В группе царило молчание. Все переглядывались. Я дрожала.

– Мы не сумасшедшие! – поспешила я всех заверить. – Жанна, скажи! Игорь, скажи!

– А? – рассеянно отозвалась Жанна, выглядывая из своей палатки. – Я вообще ухожу отсюда, хватит с меня этого похода. Я домой иду.

– Куда ты идешь?! – растерялся Роман Семенович.

– Домой, в Ростов, – пожала плечами Жанна и подошла к нему. – Вы сначала изловите этих горных дикарей, а уже потом водите в горы нормальных людей! – порекомендовала она. – В экскурсионной программе я что-то не помню пункта про дикарей, которые лазят ночами по рюкзакам!

– Так, стоп! – прикрикнул Роман Семенович. – Мне уже надоело это слушать! Какие еще дикари? Жанна, прекрати собирать вещи! Я тебя никуда не отпускаю! Я ответственен за каждого из вас!

– Папа! Но там правда был какой-то огромный мохнатый человек! – подтвердил Игорь. – Ну мне-то ты хоть веришь?

Мы вчетвером: я, Игорь, Жанна и Люба – смотрели друг на друга. В наших глазах было неподдельное недоумение из-за происходящего.

– Ага, горные дикари... – усмехнулся сынок воспитательницы. – Мы в России, а не в Африке, здесь нет диких племен, да еще мохнатых...

Вокруг стали раздаваться смешки.

Я вцепилась взглядом в этого человека. Меня подмывало ответить ему, но я всеми силами старалась сдержаться. И все-таки не вытерпела:

– Ты еще скажи, что вечером тут в горах никто не выл!

Сынок воспитательницы настолько удивился, что я к нему обратилась, что даже растерялся.

– Выл... – смутился он.

– И я о том же, – процедила я. – Поэтому, прежде чем высмеивать людей, думай, как бы самому не показаться смешным.

Сынок воспитательницы ничего не ответил. Он смутился.

– А давайте проверим, что там с рюкзаками! – предложил Коля.

– Давайте! – согласились все и направились к полянке.

– Ого! – обомлела группа. – Ничего себе! Ну и погром!

На полянке валялся выпотрошенный рюкзак, а вокруг него – разбросанные банки консервов, супы быстрого приготовления, картошка...

– Ну мы же говорили! – сказала Жанна.

Все ходили по поляне с фонариками и исследовали ее.

На душе было беспокойно. В памяти иногда всплывал жуткий вой в горах, а потом я вспоминала эту страшную фигуру.

– Этот... горный дикарь ополовинил все наши продукты! – растерянно сообщил Роман Семенович. – У нас было четыре рюкзака с едой, а теперь один целый и половина выпотрошенного. Полтора рюкзака еды на десять человек! А впереди у нас еще семь дней похода. Я не знаю, кто это был, но факт есть факт – еды нет.

– Что же теперь делать? – ахнули все. – Возвращаться обратно в поселок за едой?

– Завтра подумаем, – серьезно сказал Роман Семенович. – Теперь нам надо сохранить рюкзаки с оставшейся провизией. Сейчас идем спать, а план дальнейших действий обсудим утром. Наверное, нам каждую ночь придется дежурить возле еды. Кто подежурит сегодня?

– Вряд ли кто-то захочет дежурить возле рюкзаков, за которыми охотится дикарь, – скептически отозвалась Зина.

– А давайте я подежурю! – вдруг вызвался Кирилл.

Все с уважением посмотрели на него.

– Да. Я буду охранять рюкзак, – подтвердил он. – А что? Мне нестрашно. В дикарей в горах Кавказа я не верю. Всему этому есть какое-то другое объяснение.

– Ну-ну, – скептически отозвалась Жанна. – Посмотрю, что ты скажешь, когда он придет за оставшимися рюкзаками.

– Ну вот когда сам его увижу, тогда и буду анализировать, кто он такой, – пожал плечами Кирилл.

Я смотрела на сына воспитательницы и не могла поверить своим ушам. Он всегда сидел под крылышком Ольги Викторовны, был эдаким тепличным мальчиком, а сейчас единственный из всех вызвался посторожить еду, хотя всем остальным это делать страшно.

Все участники похода с уважением смотрели на Кирилла. Он оказался героем дня. Вернее, героем ночи.

Но все эти люди видели его впервые. Он для них новый человек. И только я знаю, *какой* он на самом деле. Это человек, который способен испортить жизнь другому и после этого стоять на экстренной линейке и довольно улыбаться.

– Одного дежурного мало, поэтому я буду сторожить вместе с Кириллом, – сказал Роман Семенович. – Если этот... вор... снова придет, вдвоем нам будет справиться легче. И вообще, в последующие ночи нужно дежурить по двое. А может, даже и по трое. Кирилл, давай костер разведем.

– Давайте!

Они начали разводиться костер, а остальные разбрелись по палаткам спать дальше.

Когда я подходила к своей палатке, то ненадолго остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на Кирилла. И вдруг увидела странную картину. Он стоял у костра, а в правой руке держал деньги – кажется, две тысячные купюры. Он положил их себе в карман черных спортивных брюк и неожиданно развернулся. Я отпрянула. Мы смотрели друг другу в глаза. Я резко отвернулась и ушла в палатку.

«Какой-то он странный, – подумала я. – Тут все из-за еды переживают, а он деньги считает».

Несмотря на неожиданную эмоциональную встряску среди ночи, я отключилась сразу, как только устроилась в спальном мешке и закрыла глаза.

Глава 7

Ошибочка вышла

Роман Семенович разбудил нас в семь утра.

Несмотря на ночное происшествие, я проснулась довольно бодрой, будто крепко спала всю ночь и не вскакивала, разбуженная «горным дикарем», как назвала его Люба.

– Эй, сони, хватит дрыхнуть! – жизнерадостно будил нас Роман Семенович. – Если будете тут спать как дома, то пропустите все самое интересное! Посмотрите, какой красивый рассвет!

Я была согласна, ведь тоже любила просыпаться рано. Я потянулась, начала выбираться из спального мешка, и вдруг ноги подкосились – болели мышцы, ныли связки из-за вчерашнего похода по горам.

Я взяла полотенце, на дрожащих ногах с трудом вышла из палатки и отправилась умываться. Умылась в прохладном бодрящем ручье, вокруг которого росли ароматные сосны, и пришла к костру.

Я увидел Кирилла. У него были красные из-за бессонной ночи глаза.

– Надо варить кашу как-то поэкономичней, – озадаченно проговорила Люба. – Чтобы растянуть припасы как можно дольше.

– А еще придется порции накладывать поменьше, – дополнила я.

– Да-а... – вздохнула Люба, – тут хочешь не хочешь похудеешь.

Вскоре над костром уже висел котел, в котором варилась каша – перловка с тушенкой. В горах на свежем воздухе казалось, что каша в котле – это самый лучший в мире деликатес! Один только запах чего стоит.

Когда каша была готова, мы разложили ее по железным тарелкам, каждому поровну, с большим аппетитом поели и повесили над костром чайник.

– А теперь попрошу внимания! – похлопал в ладоши Роман Семенович. – Как все знают, у нас произошло чрезвычайное происшествие. Поэтому нам надо решить, как будем жить. Я не знаю, какой такой дикарь нас ограбил, но факт остается фактом: еды мало. Поехать в ближайший населенный пункт за едой мы не можем, потому что уже достаточно далеко ушли. Если вернемся обратно, вызовем машину, съездим за едой, то выбьемся из графика, и все пойдет не по плану. Поэтому я предлагаю такой вариант: нужно сэкономить ту еду, которая есть, а завтра вечером мы доберемся до горного поселка, и там у местных жителей купим еды – сыра, хлеба, мяса... Как вам такая идея?

Идея всем понравилась.

– А по сколько скидываться? – спросила Люба.

– Я еще не знаю. Сначала ведь нужно увидеть количество товара, который возьмем у местных жителей, а потом разделим сумму. А сейчас вы можете погулять. Только далеко не уходите. Держитесь группами! Встречаемся здесь через два часа. Собираем вещи и трогаемся в путь.

Многие отправились исследовать окрестности, а я осталась сидеть на бревне. Мне было страшно уходить в лес.

Но стоило людям немного отойти от лагеря, как вдруг все услышали крик Коли:

– Меня обворовали! Обворовали!

Роман Семенович подошел к парню. Вокруг стали собираться люди.

– В смысле – обворовали? – не понял руководитель.

– Я полез к себе в рюкзак – хотел посчитать, сколько у меня есть денег. Ну, сколько могу выделить на продукты. И не досчитался двух тысяч! Меня кто-то обворовал!

– То есть как это – обворовал? – недоуменно спросил Роман Семенович. – Ты хорошо все пересчитал?

– Хорошо! У меня не хватает двух тысяч из тех денег, что дали с собой родители! – пораженно сказал Коля и повторил: – Меня обворовали! В поезде все было на месте. Значит, деньги украли здесь!

– Группа! – закричал на всю округу Роман Семенович. – Группа!

Из леса стали выходить участники похода.

– Что такое? Что случилось? – подходя к костру, удивленно спрашивали все.

– У нас произошла очень неприятная история! Колю обворовали! – объявил Роман Семенович. – Из его рюкзака пропали две тысячи.

– Что? Обворовали? – и тут и там слышались голоса.

– У нас что, крыса завелась? – изумилась Жанна.

– Пап, то есть среди нас вор? – удивился Игорь.

– Пока что я не хотел бы делать такой вывод, – сказал руководитель, сурово разглядывая каждого из нас. Когда его взгляд пробежал по мне, я почувствовала себя чуть ли не воровкой. Боялась, что как-то не так среагирую, и он подумает, что это я обокрала Колю. – Я надеюсь, что человек, который это сделал, все-таки вернет деньги. Как-то незаметно подложит их обратно и больше не будет этого повторять.

– А почему вы решили, что деньги кто-то именно *украл*? – неожиданно спросил Кирилл. – Если дикарь выпотрошил один рюкзак с едой и забрал два других рюкзака, то, может, он и деньги взял?

– Дикарь рылся не во всех подряд рюкзаках, а в рюкзаках с едой! – заметил Коля. – А мой рюкзак безо всякой еды! И лежал он в моей палатке! Так что деньги украл не дикарь, а кто-то из нас! Слышь, ты, вор, верни все на место! – сказал всем нам Коля. – А то я сейчас сам обыщу у всех карманы!

– Подожди, успокойся, – охладил его пыл Роман Семенович. – Будем надеяться, что человек, который это сделал, все вернет. Собрание окончено.

Группа разбрелась. У всех пропало настроение. Каждый вглядывался друг другу в глаза, пытаясь понять, вор этот человек или нет? Мне в глаза тоже всматривались. Это очень неприятно.

И вдруг на меня словно вылили ушат ледяной воды. Я вспомнила, как вчера шла к своей палатке и увидела возле костра Кирилла. Он держал в руках деньги, а потом положил их в карман.

Я напрягла память и вспомнила, что у него в руках было именно две тысячи! Я даже помню, что они были двумя купюрами по тысяче.

«Неужели деньги украл сынок воспитательницы?» – пораженно подумала я.

Внезапно, в одно мгновение, в памяти всплыли все перечитанные, пересмотренные и услышанные детективные истории.

В нашей группе произошло самое настоящее преступление. Преступление, которое нужно раскрыть!

У меня учащенно забилось сердце. Я собираюсь быть следователем! Так почему бы мне не подумать о произошедшем воровстве? Почему бы мне не попытаться вычислить вора?

Я постаралась немного успокоиться, привести мысли в порядок и хладнокровно подумать – что сделал бы на моем месте следователь? В первую очередь он бы все тщательно проанализировал.

И я тоже стала анализировать.

Два года назад в лагере Кирилл пробрался ко мне в домик и отрезал волосы. О чем это говорит? Во-первых, о том, что он действовал исподтишка. Значит, у него может быть такая

наклонность. Во-вторых, он настолько мастерски пробрался в домик – действовал тихо, незаметно, что от его шагов не проснулся никто из девчонок и я тоже не почувствовала, когда он отрезал мне волосы. Поэтому вполне вероятно, что он мог пробраться в палатку Коли и украсть у него деньги. Тем более что у Коли украли две тысячи, и я видела в руках Кирилла тоже две тысячи!

Я была ошеломлена. Все сходится!

Меня всю прямо затрясло. Сейчас я была не только «следователем», но и свидетелем! В нашей группе произошло преступление, и только я видела преступника!

Когда происходит какое-то преступление, что делает следователь? Какую работу он проводит? Например, если случилось ограбление, следователь вычисляет время, когда примерно произошло преступление. Узнает, в какой промежуток времени хозяев не было дома, и на основании этого предполагает, во сколько вор мог проникнуть в дом и что-то похитить. То есть он устанавливает время совершения преступления. Затем следователь опрашивает местных жителей – может, кто-нибудь видел что-то подозрительное? Может быть, кто-то видел, как из подъезда выходил незнакомый человек?

Папа говорит, что свидетели находятся почти всегда. Вору очень трудно остаться незамеченным, даже если он думает, что его никто не видит. Ведь на деле оказывается, что на балкон как раз вышла какая-нибудь бабушка снять белье, или соседский мальчик отправился за хлебом, или мимо дома проехала машина с видеорегистратором, который заснял преступника, и таким образом получается, что люди случайно видят преступника, который скрывается с места преступления... Свидетелей можно найти почти всегда – главное, опросить всех потенциальных – людей из ближайших домов, чьи окна выходят в сторону подъезда, из которого вышел преступник, детей, стариков, проверить, установлены ли в округе камеры видеонаблюдения, с которых можно взять запись... То есть всегда можно собрать какие-то данные.

А потом на основе этих данных нужно анализировать, кто может быть преступником – мужчина или женщина, какого роста, в какую одежду человек одет... Вдруг у него есть какие-то отличительные приметы – например, он хромот на какую-то ногу, или на лице шрам, или родинка, или еще что-то... Все эти с первого взгляда мелочи оказываются очень важными, потому что благодаря деталям вырисовывается общая картина преступления и внешний вид преступника.

В общем, работа следователя очень интересная! И сейчас я почувствовала, что могу попытаться расследовать дело о воре. А на роль вора больше всего подходил именно сынок воспитательницы, потому что совпало все. Во-первых, Коля говорил, что в поезде его деньги были целы. Значит, пропали они во время похода. Во-вторых, ровно такую же сумму, как была похищена, я видела в руках Кирилла. Если их украл он, то когда мог это сделать? Ответ на это предельно простой – очень удобный момент был во время суматохи, когда все участники группы обследовали выпотрошенные рюкзаки с едой. Он мог незаметно пробраться в палатку Коли и там совершить эту кражу. Ну а потом он вызвался посторожить ночью рюкзаки и сделал это тоже неслучайно – чтобы выглядеть героем и отвести от себя подозрения.

По-моему, все совпадает.

Я смотрела на Кирилла и не могла поверить своим глазам. Он – вор!

Хорошо. С этим все ясно. Но возникает следующий вопрос: что делать дальше?

«Как – что? – удивилась я. – Нужно вывести вора на чистую воду. Если Кирилл украл деньги, то нужно всем об этом рассказать».

После того как я поняла, что Кирилл является вором, он стал мне противен еще больше.

Я помню его самодовольное лицо, помню его безнаказанность, помню его вседозволенность... Он отрезал волосы детдомовской девчонке и знал, что ему за это ничего не будет. Потому что его мама – воспитатель! А за нас, детдомовских, некому заступаться!

А теперь еще оказывается, что он не просто наглец, но еще и вор!

Но больше всего меня удивляет другое. *Почему* он украл деньги? Ему что, своих не хватает? Судя по тому, как хорошо он одет, как модно пострижен, да и по тому, что у его семьи есть средства на путевку в горы, в деньгах он не нуждается. Так почему он тогда украл?

Меня подмывало объявить людям правду. Я страшно гордилась собой – надо же, как быстро я провела расследование!

Я решила не откладывать это дело и захотела прилюдно раскрыть преступление прямо сейчас.

Я влезла на бревно, чтобы быть более заметной, и похлопала в ладоши:

– Группа! Попрошу минуточку внимания!

– Ну что еще? – послышалось вдалеке. – Снова кого-то ограбили?

– Нет, не ограбили! – громко сказала я. – А как раз наоборот! Я знаю, кто украл деньги!

Вокруг меня быстро собралась группа.

Я стояла на бревне, как на высоком пьедестале почета, и смотрела на Кирилла. Он с интересом глядел на меня. Почему-то на его лице я не увидела и тени страха.

«Надо же, ни один мускул не дрогнул, – удивилась я. – Как хорошо маскируется. Тоже мне, Сонька Золотая Ручка!»

– Валя! Откуда ты знаешь, кто украл? – спросил Роман Семенович.

– Я провела небольшое расследование, – туманно ответила я. – У меня папа участковый, и я много чего знаю...

– А, ну да, я помню, тебя провожал мужчина в форме полицейского, – вспомнила Жанна.

– Это мой папа.

Все смотрели на меня. Вокруг царила тишина.

– Ну не тяни! – попросила Жанна.

– Коля, ты говоришь, у тебя пропали две тысячи? – спросила я, посмотрев с «поста-мента» на Колю.

– Да, две! – подтвердил «потерпевший».

– Вчера ночью, когда была вся эта суматоха с дикарем, я увидела одного человека из нашей группы, который прятал себе в карман две тысячи! – начала я обстоятельно рассказывать, обращаясь в основном к Коле. – Сначала я как-то не придавала этому значения, но теперь, когда ты обнаружил у себя пропажу именно этой суммы, мне все стало ясно. Пока мы все толпились у костра и обсуждали, что нас обворовал дикарь, этот человек под шумок залез к тебе в рюкзак и украл деньги.

– Слушай, Агата Кристи, ты можешь покороче? – прервала меня Жанна. – Кто вор?

Я указала взглядом на Кирилла и сказала:

– Он.

– Кирилл?! – изумились все.

– Как ты мог?

– А прикидывался хорошим! Взялся рюкзак с едой сторожить! Наверное, хочешь быть поближе к чужому имуществу?

– Позор! Уходи из нашей группы!

Поднялся такой шум, что у меня чуть не заложило уши.

Сынок воспитательницы стоял, страшно растерянный, он побледнел и смутился. Против него шла разъяренная толпа.

– Хватит! Замолчите! – не выдержал Кирилл. Все немного притихли. После этого он гневно посмотрел на меня: – Ракитина! Что ты несешь?! Ты с ума сошла?!

– Ниоткуда я не сходила! – ответила я. – Я вчера сама все видела. И ты тоже видел, что я тебя видела. Мы пересеклись взглядами. Или скажешь, что этого не было? Я стала свидетелем! Свидетелем! – убежденно доказывала я.

– Никаким свидетелем ты не стала! – выкрикнул Кирилл. – Да, я вчера пересчитывал деньги. Но это не значит, что это деньги Коли!

– Да конечно, не значит! Значит! – Я упорно стояла на своем и смотрела на всех с высоты бревна. – У него пропали две тысячи! А у тебя в руках было столько же! Ты их положил в правый карман вот этих самых спортивных штанов! – указала я на его черные штаны.

– Я вчера подбирал с земли консервные банки, и деньги просто выпали у меня из кармана, потому что он не был застегнут! Я поднял деньги и положил обратно в карман!

– Ага, придумай какую-нибудь более правдоподобную версию, – усмехнулась я.

– А ну, доставай деньги! – грозно сказал Коля, медленно приближаясь к Кириллу.

– Почему я должен что-то доставать, если я ни в чем не виноват?

– Если отпираешься, значит, Валя права! – произнесла Люба.

– Я не отпираюсь, а защищаюсь! – отчаянно воскликнул Кирилл. – Это разные вещи!

– Доставай! – повторил Коля.

Кирилл подумал несколько секунд, а потом неожиданно спокойно проговорил:

– Хорошо. Мне скрывать нечего. Потому что я знаю, что это *мои* деньги.

С этими словами он раскрыл застегжку на кармане, запустил внутрь руку и достал те самые две купюры по тысяче рублей, которые я вчера видела.

Все ахнули.

Я не смогла сдержать довольной улыбки.

– Ну, я же сказала, – с удовольствием произнесла я. – Это именно те деньги, которые я вчера видела! А еще говорит, что ничего не воровал!

Но в следующую секунду случилось то, чего я никак не ожидала.

– Подожди... Но это не мои деньги, – растерянно глядя на купюры в руках Кирилла, сказал Коля. – У меня пропали три купюры по пятьсот рублей и пять по сто. А тут две по тысяче...

Несколько секунд я не могла до конца осознать смысла его слов. Но когда до меня этот смысл дошел, от стыда мне сквозь землю захотелось провалиться.

А еще на бревно залезла, чтобы меня получше было видно! Вот позорище!

Пристально и без единой эмоции на лице глядя на меня, Кирилл положил деньги обратно в карман.

– Нет, это точно не мои, – повторил Коля.

– Как – не твои? – в недоумении спросила я. – Ты что-то путаешь! Это твои!

– Сама ты путаешь! Я же сказал – это не мои! – твердо повторил Коля. И, смущаясь, посмотрел на Кирилла: – Прости, братан...

– Ничего, все хорошо, – с невозмутимым выражением лица ответил Кирилл, и они пожали друг другу руки.

Даже не представляю, каких усилий ему стоило сдерживать свои эмоции. Я бы на его месте уже давно разрыдалась.

У меня пересохло в горле от осознания того, ЧТО я натворила.

– Валя, ты поступила неправильно, – печально сказал Роман Семенович. – Нельзя обвинять людей прилюдно, а тем более тогда, когда ошибаешься. Подошла бы к Кириллу и разобрались наедине.

Группа стала расходиться. Все укоризненно на меня смотрели.

Я стояла на бревне и щеки пылали от стыда.

Кирилл разочарованно поглядел мне в глаза, а потом с задумчивым видом стал спускаться со склона.

Я была потрясена. Не знала, что мне теперь делать.

Больше всего хотелось отмотать время на десять минут назад и не совершать того, что я совершила.

Но время назад не отмотаешь. И мой поступок никак не стереть.

«Что же я натворила!.. – с ужасом подумала я. – Совершила преступление, ведь клевета – это уголовно наказуемое деяние...»

Глава 8

Новые подозреваемые

Через пару часов мы собрали наш лагерь: свернули спальные мешки, палатки, убрали за собой мусор и двинулись по тропинке вверх.

Я шла в конце группы. Я чувствовала себя самым настоящим ничтожеством, и мне не хотелось попадаться никому на глаза. Все знали, как я оплошала. Все знали, что я прилюдно оклеветала человека.

Я была словно в тумане. Мне хотелось себя растоптать!

– Ой, не комплексуй, – подойдя ко мне, подбодрила Зина и вернулась в колонну.

Но от ее поддержки легче не стало, потому что я была по-настоящему неправа.

«Что же я натворила! – ругала я себя, поднимаясь в гору. – Что же я наделала!»

В течение нескольких лет я терпеть не могла Кирилла, а сейчас испытывала перед ним невероятное чувство вины. Мне было стыдно смотреть ему в глаза. Поэтому я смотрела в землю, чтобы случайно не столкнуться взглядами.

Чувство вины перед Кириллом угнетало меня, оно давило и не давало вздохнуть.

«Нет, это невозможно, – подумала я. – Нужно что-то делать».

Но что можно было сделать, чтобы сгладить свою вину? Только попросить прощения.

«Попросить прощения у кого? – изумилась я своим мыслям. – У него? У человека, который так унизил меня в лагере? У человека, из-за которого надо мной до сих пор смеется весь детдом?»

Но, с другой стороны, я не хочу усугублять ситуацию еще больше. Он передо мной так и не извинился за отрезанные волосы, но, может быть, хотя бы мне нужно поступить правильно и попросить у него прощения за то, что прилюдно его оклеветала?

После этих мыслей на душе стало очень легко и свободно, угнетающее чувство куда-то ушло. Я решила не тянуть и сразу же загладить перед Кириллом свою вину.

Буквально через несколько минут у него развязался шнурок и он отошел в сторону, чтобы его завязать. Вся группа прошла вперед, и мы с Кириллом оказались вдвоем.

«Ну вот видишь, как сложилась ситуация, – подумала я. – Значит, мое решение правильное».

Я собралась с силами, посмотрела на него и сказала:

– Кирилл, пожалуйста, прости меня. Я поторопилась с выводами.

Я не верила, что все это происходит в действительности. Что я по собственному желанию разговариваю с человеком, который два года назад сделал меня посмешищем.

Кирилл внимательно посмотрел на меня своими зелеными глазами, тоже словно не веря, действительно ли я это сказала, и улыбнулся:

– Да ладно... Со всеми бывает.

– Нет, не со всеми, – покачала я головой. – А только с теми, кто сначала делает, а потом думает.

– Ну... ничего страшного... – ответил он. И перевел тему: – С этим мы разобрались, но не разобрались с самым главным.

– С чем? – не поняла я.

– Кто все-таки украл деньги? – весело подмигнул Кирилл и ушел вперед, слившись с группой.

Я в задумчивости побрела за всеми. Действительно, – если Кирилл не брал деньги, то кто? Кто-то же все-таки является вором?

На смену этой мысли пришла другая: «Я не поняла, что значит «не разобрались»? Почему он говорит во множественном числе? Он что, думает, что мы будем вести расследо-

вание вместе? Ну уж нет! Мне это не нужно! Я не хочу иметь ничего общего с этим человеком!»

И вообще, слишком много я о нем думаю! Лучше поразмышлять о расследовании. Кто все-таки украл деньги?

Есть такое понятие, как «круг подозреваемых». Это люди, которые потенциально могут быть причастны к совершению какого-либо преступления. Когда определен этот круг, нужно прорабатывать каждого подозреваемого и пытаться понять, совершал он преступление или нет? Нужно вычислять, где был подозреваемый в момент совершения преступления, чем занимался, видели ли его люди, которые могут подтвердить, что он был в другом месте.

В общем, нужно понять, есть ли у человека алиби или нет. Алиби – это какое-то обстоятельство, которое оправдывает обвиняемого или подозреваемого. Например, можно считать, что у человека есть алиби, если доказано, что в момент совершения преступления он находился в другом месте и поэтому не мог быть в том месте, где произошло преступление, или, например, он находился в другом месте раньше, чем было совершено преступление, но разница во времени все-таки недостаточна для перемещения к месту преступления. Допустим, если преступление совершено в 20.00, но доказано, что подозреваемый в 19.55 был в другом конце города, то понятно, что он просто не успел бы доехать.

К сожалению, разницу по времени в нашем случае не вычислишь. Лагерь не такой уж и большой – ровно за минуту можно дойти до любой палатки. Поэтому трудно понять, у кого есть алиби, а у кого нет.

Но зато можно пытаться вычислить круг подозреваемых.

Итак, что мы имеем? Наша команда состоит из десяти человек плюс Роман Семенович. Итого одиннадцать.

Я деньги не воровала. Значит, круг подозреваемых сужается до десяти человек.

Сынок воспитательницы, скорее всего, деньги тоже не воровал. Его из списка подозреваемых тоже вычеркиваю. Остаются девять человек.

Коля тоже не воровал, потому что он, собственно, и есть потерпевший.

Значит, круг подозреваемых состоит из восьми человек: Люба, Жанна, Зина, Игорь, руководитель Роман Семенович, Паша, Влад и Аня.

Интересно, кто же из них вор?

Я сомневаюсь, что вор Игорь, Жанна или Люба, потому что мы вчетвером видели дикаря и после увиденного зрелища нам было явно не до воровства!

Значит, Игоря, Жанну и Любу тоже можно вычеркнуть.

Итак, круг подозреваемых состоит из пяти человек – руководитель, Зина, Паша, Влад и Аня.

Да-да, Роман Семенович тоже подозреваемый. Хотя он и наш руководитель, но где гарантия, что это не он украл деньги? Такой гарантии нет! К тому же всем известно, что главный закон детектива – преступником является тот, на кого думаешь меньше всего. В нашем случае это именно Роман Семенович...

Поэтому такой вариант отрицать нельзя.

Но только теперь я буду аккуратнее. Не стану делать преждевременных выводов и обвинять людей, как обвинила Кирилла. Если я кого-то и заподозрю, то поговорю с ним лично, с глазу на глаз, как посоветовал... Роман Семенович.

Мы шли почти шесть часов.

К концу времени ног я уже не чувствовала. Просто взяла и перестала обращать внимание на боль, как будто ноги отваливаются не у меня. Вьющиеся каштановые волосы растрепались, в них запуталась какая-то солома и частички веток, по лбу тек пот, но никто не обращал внимания на внешний вид друг друга.

– Вот тут, пожалуй, и остановимся, – решил Роман Семенович, указывая рукой вперед. На небольшом пригорке была поляна, окруженная редкими хвойными деревьями. С нее открывался великолепный вид на бескрайние цветочные поля внизу. Мне показалось, что передо мной как на ладони раскинулась вся земля.

Разбивали лагерь до самого вечера. Закончили, когда уже начало темнеть. У меня никак не получалось установить палатку, она все время заваливалась, а Люба куда-то ушла. Внезапно ко мне подошел Кирилл.

– Давай помогу, – предложил он и потянулся к палатке.

– Нет! – резко сказала я. – Не надо!

– Ракета, послушай... – начал сынок воспитательницы, но я его перебила:

– Я не Ракета! Я Валя! У меня теперь другая фамилия, если ты не знал!

– Знал, мне мама говорила. Извини, это я по привычке, – смутился Кирилл.

Я почувствовала внутри сильный протест. Я не хотела слушать Кирилла. Я не хотела с ним общаться. Этот человек был мне противен. Мне приходилось быть с ним рядом только потому, что мы оказались в одной группе. А теперь все складывается так, что мы начали разговаривать. Но я не хочу этого делать! Я попросила у него прощения, но начинать с ним общаться не хочу.

– Матвеев, уйди! – твердо сказала я и направилась к костру.

– Но Ра... – воскликнул Кирилл и поправился: – Валя!

Я ускорила шаг к костру, чтобы не слышать его.

То, что сейчас происходит, решительно мне не нравится. Да, я совершила ошибку и зря его обвинила. Но я уже попросила за это прощения. Какого-то продолжения общения я не хочу. А нам предстоит быть вместе еще восемь дней!

Я раздраженно села на бревно. Что мне делать? Как оградиться от Кирилла? Куда мне деться от него на эти дни?

Рядом на бревно сел сын руководителя Игорь и подбросил в костер палочку хвороста.

– Вы с ним вместе? – неожиданно спросил он.

– С кем вместе? – не поняла я.

– С Кириллом. Всем видно, что вы давно знакомы.

– Что?! – Я была в ужасе. Неужели все думают, что я дружу с сынком воспитательницы?! Какой кошмар! – Мы с ним не вместе! – твердо сказала я. – И я его совершенно не знаю!

– Ага, ну-ну, – усмехнулся Игорь.

У меня внутри все клокотало. Нет, так больше продолжаться не может. Я не хочу иметь ничего общего с этим наглым сынком воспитательницы! Я не хочу, чтобы люди думали, что мы общаемся! Этот поход закончится через восемь дней, и, судя по всему, все эти восемь дней Кирилл будет пытаться со мной общаться! Я не понимаю, зачем ему это надо! Ему что, не хватает других людей? Хотя, наверное, с ним просто никто не дружит, и поэтому он пытается общаться хотя бы со мной! Но больше всего удивляет то, что у него достало наглости заговорить со мной как ни в чем не бывало! Он обрезал мне волосы, но ведет себя так, как будто этот поступок был в порядке вещей! Как будто обрезать девушке волосы – это само собой разумеющееся!

Надо срочно что-то делать! Мне надо как-то оградиться от него! Было бы замечательно обмотаться колючей проволокой, чтобы он ко мне не подходил. Но колючей проволоки поблизости не было.

И внезапно меня озарила идея.

– Да, мы с ним действительно знакомы, но между нами конфликт, – едва ли не приплясывая от радости из-за появившегося плана, пояснила я Игорю.

– То есть? – не понял он. – Значит, ты поэтому незаслуженно его обвинила?

– Нет, это вышло случайно, это между собой никак не связано, – путано объяснила я. – Игорь, пожалуйста, помоги мне.

– Чем? – все больше и больше недоумевая, спросил он.

– Давай куда-нибудь отойдем. Там и поговорим, – предложила я.

– Идем в лес. – Игорь поднялся с бревна.

Мы направились в лес. Краем глаза я увидела, что Кирилл на нас смотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.